

ИРА БРИЛЁВА
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ВЕРТИХВОСТКИ

Ира Брилёва

Приключения вертихвостки

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6713969

Аннотация

«Солнечный луч нахально устроился у меня на кончике носа. Сон, сладкий и тягучий, как свежий мед, из густого, нежного сиропа превратился в жиденькую водичку, разбавленную надвигающейся действительностью. А потом и вовсе испарился. Что за дурацкая физика!

Я нехотя приоткрыла один глаз, потом второй: мерзавец-луч уже беспечно скользил по потолку. Ну и пусть! Я снова закрыла глаза и улыбнулась – что может быть лучше этих первых минут после сна. Легкого и беззаботного. Как воздушное пирожное. Правда, мне никогда не встречались беззаботные пирожные, но суть от этого не менялась.

Я опять открыла глаза. Торопиться было некуда, и можно было поваляться в свое удовольствие...»

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	23
Глава 4	46
Глава 5	58
Глава 6	82
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Ира Брилёва

Приключения вертихвостки

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Глава 1

Солнечный луч нахально устроился у меня на кончике носа. Сон, сладкий и тягучий, как свежий мед, из густого, нежного сиропа превратился в жиденькую водичку, разбавленную надвигающейся действительностью. А потом и вовсе испарился. Что за дурацкая физика!

Я нехотя приоткрыла один глаз, потом второй: мерзавец-луч уже беспечно скользил по потолку. Ну и пусть! Я снова закрыла глаза и улыбнулась – что может быть лучше этих первых минут после сна. Легкого и беззаботного. Как воздушное пирожное. Правда, мне никогда не встречались беззаботные пирожные, но суть от этого не менялась.

Я опять открыла глаза. Торопиться было некуда, и можно было поваляться в свое удовольствие.

В спальне еще витал почти уже неуловимый запах свежего ремонта и новой мебели. Ах, у меня же новая квартира! Не квартира, а просто мечта – огромная и очень красивая. Скоро уже исполнится год как она моя. Моя. И ничья больше! «Надо как-то отпраздновать это событие, – неожиданно решила я, – мечта того стоит». Я сладко потянулась. «Да и что-то я тяну с покупкой этого симпатичного антикварного зеркала в ванную. Сегодня же нужно заказать грузчиков и машину. Моя квартира достойна антиквариата», – гордо подумала я.

Целых полгода я потратила на подбор мебели, ремонт и всякие прочие необходимые для комфорта мелочи. Я не торопилась, я смаковала каждую вещичку. Каждый предмет я долго осматривала, прикидывала, как он войдет в мою жизнь, и будет ли нам вместе хорошо.

Но сегодняшнее зеркало уже было найдено, отсортировано и отложено. Осталось только водрузить его на стену моей прелестной ванной комнаты, оформленной в стиле позднего Ренессанса. Так сказал мне художник, который создавал для меня мой маленький рай. А я ему верила. Мне ничего другого не оставалось, потому что я ни хрена не смыслила во всех этих позолоченных загогулинах и странных словах, типа «патина» и «рококо».

Вспомнив о приятном событии, которое мне сегодня предстояло, я улыбнулась. Широко и радостно. Вот это да! Моя мечта, мои детские сны теперь здесь, рядом со мной. Их можно потрогать. Даже понюхать. Белоснежные лаковые завитушки на спинке кровати и на дверцах платяного шкафа напоминали густые взбитые сливки, уложенные аккуратными горками. Зеркало, все в деревянных виньетках, и позолоченные пимпочки на дверцах прикроватных тумбочек... Мечта! Ей богу, ради этого стоит жить!

Мое настроение взлетело куда-то вверх, устремляясь к невидимым отсюда высотам, и я, не теряя ни секунды, выскочила из кровати, быстро набросила на себя шелковый халатик и, напевая, направилась в ванную.

Через полчаса, чистая и довольная, я пила кофе, который мне любезно приготовила Маринка. Маринка – это моя новая горничная, филиппинка. По-русски она не знает ни единого слова и также ни бельмеса не понимает. А я в свою очередь ничего не понимаю в ее англо-филиппинской языковой смеси – я в школе учила французский. Но, вот удивительная вещь, – все, что я у нее ни попрошу, исполняет в точности, быстро и аккуратно. Фантастика!

Я зову ее Маринка. Иногда даже просто Маня. Это произошло вполне естественным образом. Когда мне ее впервые представили, то я поняла, что такого длинного слова, как ее имя, я еще не слышала. Что-то такое типа знаменитого ильфо-петровского «Умсмаслопогаса». И зачем люди так заморачиваются? Я сообщила ей – с помощью жестов – что буду звать ее Маринкой, и она со мной полностью согласилась.

Она у меня уже месяц, и я ею очень довольна. И вообще, хочу вам сообщить, что лучше горничных, чем филиппинки, на свете просто не бывает. Они исполнительны, улыбчивы и молчаливы. Все в одном флаконе!

Когда-то я жила далеко за Уралом и знать не знала про горничных. Но это было давно. Я уже почти и не помню. Наверное, это было в другой жизни. В ней было неуютно. Я не люблю про это вспоминать. Но иногда прошлое вылезает откуда-то и портит нервы. Как таракан из щели. А, впрочем, если кому-то интересно, то я могу и рассказать. Что же зазорного в чьей-то жизни? Тем более, что рассказывать все равно

придется – без этого вы ничего не поймете в моей истории.
Пусть это будет такое маленькое нелирическое отступление.

Глава 2

Я всегда была очень неглупой девочкой. И всегда слушалась взрослых. Мой учитель по физкультуре, Палыч, мне говорил: «Беги отсюда, Зинка. А то сдохнешь тут от скуки. Или сопьешься». Я внимательно слушала и мотала на ус.

Когда мне стукнуло четырнадцать, я стала свободной птицей. Во всех отношениях. Во-первых, мне выдали паспорт. А во-вторых, моя мамаша наконец вышла замуж и перестала меня донимать своим неуклюжим воспитанием – теперь у нее появился для этого другой объект. А отца у меня отродясь не было. И я поняла, что теперь могу самостоятельно решать, что мне нужно в этой жизни. И я решила.

Учитель физкультуры в нашей школе был щедрый и добрый малый. Он не только любил давать мне советы. При случае я стреляла у него деньги и сигареты. Но здесь дело было посложнее.

– Палыч, я хочу уехать, – заявила я ему с порога, отряхивая с видавшего вида пальтеца снег. В школьном спортзале было холодно, как на Северном полюсе, но на это здесь никто и никогда не обращал внимания.

Палыч, в застиранных, пузырившихся на коленях трениках, отставил в сторонку пудовую гирию и, почесав голое, заросшее волосами пузо, спросил:

– И куда?

– В Москву. Куда же еще, – коротко ответила я.

Он вытянул из заднего кармана смятую пачку папирос, прикурил и, поразмышляв пару минут, согласился:

– В Москву – это правильно. Молодец, девка. – И, помолчав с минуту, добавил: – Моя школа.

В столице меня никто не ждал. Но это меня совершенно не расстроило. Меня вообще нигде никто не ждал. Наверное, так было даже лучше – никаких напрасных разочарований и прочей дребедени. Все просто и очевидно.

Москва приняла меня неохотно. Но, благодаря природной настырности, я все же втерлась в доверие этого гигантского шумного города и даже начала находить удовольствие в его огромности и непредсказуемости.

Палыч снабдил меня не только деньгами на плацкарту до Москвы. Его щедрость пошла намного дальше. Он позвонил кому-то, кого называл вежливо и даже с оттенком подобострастия – Никанорушка, – и договорился, что меня приютят.

– На первое время сойдет, – философски сказал он. – А потом ты и сама пристроишься. Ты девка бойкая, – он затянулся вонючей папиросой. – Я в тебя верю, – неожиданно сказал он мне. Как показало время, Палыч был абсолютно прав.

Сначала был «колледж». Он располагался в старом облезлом особняке, которым не интересовались не только архитекторы, но даже археологи. Единственной его достопри-

мечательностью были высоченные, закопченные временем, потолки и огромные, словно бальные залы, коридоры перед классными комнатами. Колледж оказался бывшим профтехучилищем с тем же набором преподавателей и профессий. И зачем бывшие ПТУшки переименовали в такое пышное иностранное слово? Ведь суть от этого не поменялась. Как был он «чертятником», так и остался. «Чертятниками» мы называли ПТУ там, в Зауралье. Название «чертятник» вылезло само собой из того факта, что раньше в ПТУ обучались представители дружественных нам республик – со всего света – темнокожие, желтокожие и прочие. Народ это подметил, и изобрел этот удивительный термин, что отражало, с одной стороны, сущность процесса, а с другой – народную смекалку.

В «чертятнике» я училась на повара. Мой новый московский знакомый, Никанор, в просторечье Ника, тот, кому с рук на руки сбагрил меня Палыч, работал на рынке в «обжорне» – это он сам так обозначил свое место работы.

– Ты, Зинка, не тушуйся. Возле еды оно всегда надежней, – обучал меня мой новый покровитель. А я нисколечки не возражала, и он пристроил меня к себе в «обжорню» младшим поваром. Через неделю я уже гениально варила макароны и виртуозно убирала со столов грязную посуду.

Три года прошли незаметно, и я как-то умудрилась закончить колледж. Учеба не слишком заботила меня, но кое-что мне все же удалось узнать. Например, как готовить котлеты

по-киевски. Теперь это было мое коронное блюдо!

За это время я пообтерлась и поняла, что женщине, для того чтобы устроиться в жизни, нужно обладать всего четырьмя вещами: интересной внешностью, мозгами, терпением и богатым мужиком.

С внешностью мне повезло. Природа была ко мне благосклонна, и безрадостное детство никак не отразилось на моей смазливенькой улыбочивой физиономии. С некоторых пор я решила завести некоторые новые привычки. Например, маникюр. Все же ухоженные розовые ногти намного лучше грязных нестриженных когтей. Хотя, последние не раз выручали меня там, в заснеженном Зауралье.

Мозги мне были отмеряны почти в таком же количестве, что и внешность. А вся моя жизнь была просто примером беспредельного терпения.

Взяв в «обжорне» выходной, я нашла агентство по набору домашнего персонала. Здесь набирали в горничные, сиделки и няньки. «Горничная» устраивала меня больше всех. Толкнув дверь, я вошла. После этого моя жизнь резко изменилась.

Мой первый рабочий день в новом качестве был скорее удачным, чем наоборот. Пожилая респектабельная пара, которая досталась мне в качестве хозяев, составляла между собой резкий контраст. Меня невзлюбила хозяйка, но я страшно понравилась ее мужу. Агентство сдало меня им в аренду с испытательным сроком в одну неделю. Испытания я не

прошла, и ровно через неделю злобная фурия выставила меня на улицу. Но с хозяином меня теперь связывала крепкая дружба. Он снял для меня квартиру недалеко от центра, и я впервые за много-много дней выпалась так, как не спала еще никогда в своей жизни. А еще теперь у меня завелись деньги, а самое главное, я могла их тратить на себя. Я носилась по магазинам, как голодная собака и скупала всякую чепуху. Мой приятель тихонько посмеивался над моим вдруг проснувшимся скопидомством и снова давал мне деньги взамен израсходованных. Но кое-что из потраченного все же пошло мне впрок.

Примерно через месяц я уже вполне могла появиться в приличном обществе. Мой новый друг оказался не только щедр, но и благороден. Он возился со мной, водил меня по кино и ресторанам, покупал мне все, во что я тыкала пальцем, и при этом почти ничего от меня не требовал – ему было уже далеко за шестьдесят. Он любил меня, как любят позднего ребенка – преданно и беззаветно. Я отвечала ему взаимностью, и наши отношения были безоблачны, пока на горизонте не появился сын моего доброго старикана. Мы познакомились случайно, когда сын подвез своего престарелого родителя прямо ко мне в объятия. Сначала молодому человеку это страшно не понравилось, и на следующий день он явился ко мне с разборками. Но после часовой беседы все вопросы были улажены, и он больше не имел ко мне никаких претензий. Он оказался тридцатилетним, горячим и таким же

нежадным, как его отец. Я не возражала, и теперь удовольствия и блага потекли ко мне уже из двух ручейков. Соединившись, они превратились в небольшую речку, и я наконец смогла вздохнуть свободно. Ах, это непередаваемо прекрасное ощущение свободы! Финансовой. Это ощущение было для меня новым, и я наслаждалась им, целыми днями шляясь по магазинам, в которые еще месяц назад даже боялась заглянуть. Дороговато! Теперь я уже не скупала все подряд, а выбирала только самые красивые и дорогие вещи. Но через две недели я пресытилась этим занятием и решила поискать еще неизведанные пока ощущения. На новые ощущения оба мои друга не тянули. А жаль! Они были очень хороши, и по-одиночке, и в паре. Но всему когда-нибудь приходит конец. Пришел конец и им. В хорошем смысле. Я нашла им замену. Замена была весьма темпераментной и ревнивой. Но у нее были два положительных качества. Беспредельная щедрость и такая же беспредельная глупость. Я вертела им, как хотела, целых полгода. И вскоре у меня уже была своя однокомнатная квартирка и крошечный, но абсолютно прелестный автомобильчик. Красненький! Замена прыгала вокруг меня словно первобытнообщинная обезьяна и восхищалась мной. Сначала это мне нравилось. Но скоро стало раздражать. И я задумала одну нехитрую комбинацию. Эксперимент. В общем, я решила от него избавиться. Я перестала за собой следить, делать маникюр. Я стала раздражительной и скандальной. Теперь я целыми днями ходила по дому

нечесаная, с жирными лохмами, свисающими на мое неумытое лицо, в нестиранном халате и драных тапочках, которые специально для этого случая мне пришлось забрать из моей благословенной «обжорни». Кстати, когда я увольнялась, то мой первый московский покровитель Ника рыдал как ребенок – видимо, так привык ко мне, что наше расставание далось ему непросто. Но я, в благодарность за его добросердечие, накрыла ему шикарную «поляну» в самом дорогом ресторане, который только смогла отыскать. В столице это, конечно, «Пушкин». Там за самый примитивный завтрак с вас сдерут месячную зарплату обыкновенного смертного. Но это того стоит! Ника, оробевший и немного пришибленный, сидел за столиком, накрытом хрустящей от крахмала скатертью, и растерянно водил глазами вслед за официантом, который с важностью и достоинством урожденного английского пэра неспешно ходил вокруг Ники, расставляя посуду. Посуды было много. Она была совсем не похожа на посуду в Никиной обжорне. И от этого Ника чувствовал себя ничтожеством. Но после второго бокала вина, удачно созревшего на левом боку какого-то там французского пригорка – официант долго и пространно объяснял нам, какого именно, но я, к сожалению, ничего не запомнила – Ника разомлел, и теперь уже пришла моя очередь быть предметом его благоговейного взгляда. Мне было приятно, и обед удался на славу. Мы с Никой расстались лучшими друзьями.

– Ты, Зин, если что, или, там, трудно будет, забегай, я все-

гда, того, подмогну, чем могу.

Ответив на его предложение знаменитой киношной фразой: «Нет, уж лучше вы к нам», я откланялась. Мой долг благодарности был исполнен. Я вернулась к моей новой жизни и продолжала изводить «замену» своей неряшливостью и стервозностью.

«Замена» выдержала всего две недели. Обозвав меня «сухой», и заявив мне, что такая «красавица» у него и дома есть, он испарился, словно его никогда и не было. Но квартира и машина не испарились вместе с ним. И я на следующий же день отпраздновала это событие, предварительно посетив модный салон и содрав с себя слой ненавистной грязи, накопившейся на моем теле за время моего «эксперимента».

Пока я лежала на массажном столе, и массажистка трудилась над моим воскресающим после двухнедельного запустения телом, мне в голову пришла нехитрая мысль. Те дурочки, которые считают, что «и так сойдет» совершенно не дорожат своими мужьями! Ведь мужчины действительно любят глазами. И если лишить их этой радости, то какая им тогда разница, где искать новое очарование для своих глаз? И все эти драные тапочки, застиранные халаты и бесконечные скандалы по любому поводу – это и есть самый короткий путь к разводу. Но я же делала это намеренно! А вот зачем это делают все остальные? Непонятно!

Теперь у меня был свой небольшой «стабилизационный фонд» и я решила взять короткий заслуженный отпуск. Мо-

ре или горы могли принести моей слегка усталой душе необходимый покой. Но вот море или горы? Я сидела в модном ресторанчике и ела суши. Я решила довериться случаю – если сейчас в двери войдет женщина, то это будет море, а если мужчина, то меня ждут, как минимум, швейцарские Альпы. В стеклянную дверь вошла пара, он и она. «Это судьба», – подумала я и, поднявшись из-за стола, слегка покачивая бедрами, направилась к бару. Он поймал мой заинтересованный взгляд, когда я уже почти поравнялась с их столиком. Пройдя еще пару раз туда-сюда, я наконец добилась желаемого результата – мужчина просто пожирал меня глазами. Его спутница даже ничего не заметила – она была увлечена изучением меню. Когда я в третий раз прошла мимо него и направилась к туалету, он догнал меня и сунул мне в руку крошечный кусочек лакированного картона. Визитка была очень красивой – генеральный директор чего-то солидного. Я не очень разбиралась в нефти, газе и стройках, но в этот ресторан не заходили люди среднего достатка. На следующий день мы уже сидели с ним вдвоем за моим любимым столиком. Он оказался интересным собеседником. Через неделю поезд вез нас через границу, но даже пограничники не смогли оторвать его от меня. Он сунул в приоткрытую дверь наши паспорта с вложенными в них несколькими розовыми бумажками «евро», и через минуту нас оставили в покое.

Оказывается, на свете есть места, где не нужно выбирать между морем и горами. Там они в комплекте. Мой новый

знакомый был очарован моей совершенной неосведомленностью по многим вопросам и с удовольствием стал моим учителем и гидом. Мы путешествовали почти месяц. За это время он мне дико надоел. Вечерами он звонил жене и, вздыхая, сообщал ей, что его лечение движется очень медленно. Хотя надежда на выздоровление все же есть. Потом мы всю ночь отплясывали в ближайшем баре, и под утро заваливались спать. Такая жизнь хороша, когда ее мало. Но целый месяц – это много даже для меня! Я вспомнила о своем замечательном способе, который так выручил меня в прошлый раз, избавив нас с моим предыдущим визави от лишних неудобств в виде совместного существования. Но, поразмыслив немного, я все же решила, что этот экземпляр может мне когда-нибудь пригодиться. В будущем.

Я чувствовала, что мой отдых близится к концу. Что чувствовал он, меня не интересовало. Совсем. Но я решила, что мой отдых должен закончиться так же хорошо, как и начался. На мое счастье, он все же надумал вернуться к работе. Видимо, мужчину, как и любого охотника, привлекает только процесс охоты. Потом он теряет интерес к добыче. Что ж, так было всегда. И мы с удовольствием расстались, как только поезд подошел к московскому перрону. Да, кстати, его звали забавным именем Андрон.

Самым ценным в моем отпуске было то, что я начала понимать смысл словосочетания «высшее общество». Там все совсем по-другому. Конечно, проблем везде хватает. Но

там они другого свойства. Теперь я понимала разницу между Альпами и Аденом и вполне была готова пойти вверх по этой удивительной лестнице, которую именуют «высшим светом». Для начала надо было осмотреться и понять, где этого высшего света содержится в достаточном количестве. Полистав пару модных журналов, я определилась, и, надев деловой костюм и шляпку-таблетку, устроилась на курсы топ-менеджеров. Теперь у меня была учительница по французскому языку, гимнастический зал два раза в неделю и пара друзей из тех, которые часто бывают на светских раутах. Они оба были охотниками за богатыми невестами, и поэтому наши интересы здесь удивительным образом совпали. Ближайшим мероприятием были скачки. Я купила костюм амазонки и, взяв под руки обоих ловеласов, прибыла на скачки-раут. Мужиков здесь было навалом. Выбирай – не хочу. Но и женщины были не промах, и каждая крепко держала под руку своего спутника. Однако я хорошо подготовилась, и к концу скачек около меня вертелись пятеро. А их визитки мирно покоились в моей сумочке.

Четверо были так себе, и их я отшила в течение первых же четырех дней. А вот пятый был совершенно уникальным экземпляром. Лет ему было около семидесяти, но он был совершенно неутомим. Во всем. И, самое главное, влюбился в меня по-настоящему. Что называется, втрескался. В последний раз в своей жизни. Он бегал за мной как собачонка. С ходу купил мне шикарную квартиру – стоило мне только по-

жаловаться на совершенно стесненные жизненные условия и при этом профессионально-плаксиво сложить губки трубочкой. И еще – бриллианты! Он купил мне целую горсть бриллиантов. Настоящих, а не ту мишуру, которую продают в любом ювелирном ларьке. Звали его Сашок. Он так мне и представился. Его лысая яйцеподобная голова теперь всегда мелькала рядом со мной – то он старался принести мне коктейль, то без очереди купить бутерброд в театральном буфете, и еще черт знает что сотворить, лишь бы это доставило мне удовольствие. Он был добрый и ласковый, и, несмотря на его, покрытую желтыми пятнышками, лысину, я к нему искренне привязалась. Ведь женщина всегда чувствует, когда ее любят по-настоящему!

Так прошел год. Балы сменялись раутами, модные показы модными же клубами. Мое обучение менеджменту и французскому иногда прерывалось на целые месяцы – так я была занята делами, которыми обычный человек занимается от случая к случаю. Я выбирала наряды, посещала салоны по уходу за любыми частями тела, купалась в неге и ласке, которые мне щедро дарил мой дорогой старикан. Я очень привыкла к тому, что он постоянно торчит рядом со мной. И каждая моя прихоть моментально возводилась в ранг закона.

Время рядом с Сашком летело незаметно. Потому что не было на свете ничего такого, чего бы он не мог достать или сделать. Сашок был похож на фокусника, который всегда может вынуть из кармана все, что угодно. Хоть звезду с неба. Я

убедилась в этом, когда на мое совершеннолетие, о котором я скромно обмолвилась ровно за неделю до его наступления, Сашок подарил мне ровно один миллион долларов. Миллион лежал в средних размеров коробочке, перевязанной алой ленточкой.

Сашок был богат чудовищно. Я понятия не имела, откуда он все это взял, но однажды, в порыве откровенности, он мне перечислил все, чем владел. Я даже испугалась – можно ли мне все это знать.

– Дурочка, это все ерунда по сравнению с тобой, – успокоил он меня, целуя мне руки. Он стал передо мной на колени и поклялся в вечной любви. Мы договорились встретиться с ним на следующий день.

Сашок как всегда приволок очередную пригоршню бриллиантов и, развесив их на мне, принялся любоваться мной, словно картиной Рафаэля. Или может Леонардо – теперь-то я знала, что на свете есть ценности и похлеще «цацек»! Об этом мне тоже сообщил мой Сашок. Однажды он подарил мне две старинных картины, и когда я в недоумении спросила его – зачем мне это барахло, он сел рядом и терпеливо объяснил, сколько все это стоит. Тогда и я прониклась торжественностью момента и осознала, что в мире есть настоящее искусство.

Вот музыка мне не нравилась. От классики меня клонило в сон, и после того как я уснула в Большом зале консерватории прямо посреди какой-то фуги Баха, Сашок перестал тас-

кать меня на концерты. Но я клятвенно пообещала ему выучить наизусть биографии всех венских классиков. В тот раз он ушел от меня в полном восторге. А я рухнула без сил – так он загрузил меня своими Моцартом и Вивальди. То ли дело «рэп»! Тимати я не люблю, но вот Фифтисент – это улет! Послушать приятно! А все эти фуги – сплошная тягомотина.

Я проспала без передыха пятнадцать часов, а когда проснулась, быстренько привела себя в полный порядок и стала ждать вечера.

Вечер наступил, и мой любимый старикан пришел ко мне, как всегда, в прекрасном настроении. Сегодня он был со мной особенно мил. Иногда Сашок болезненно морщился. Я сначала не обращала на это никакого внимания, но когда ему стало совсем худо, я уговорила его вызвать «скорую». Больше я его живым не видела. И вот тут-то и начинается моя история.

Глава 3

На похороны я не пошла. Зачем? Я хотела запомнить Сашка таким, каким он был – веселым прожигателем жизни. Да и кто я ему? А там родственники, друзья, всякая шушера. Я помянула старика бокалом хорошего вина, поплакала – оказывается, я все же привязалась к нему намного больше, чем предполагала, и теперь мне явно не хватало его присутствия, его неутомонного и щедрого, во всех смыслах, присутствия. Мы были знакомы всего около года, но я каким-то седьмым чувством ощущала, что такого искренне любящего и преданного мне поклонника у меня больше никогда не будет. И от этой мысли мне стало еще хуже. Но смерть – это единственная вещь, которая делает все сожаления бесполезными, а невысказанные вовремя мысли – безвозвратно утратившими смысл.

На часах было уже далеко полночь, а я все еще сидела в кресле, поджав ноги, и грустила. Вино было давно выпито, и, погрустив еще полчаса под ненавистного мне Вивальди – в память о Сашке – я все же пошла спать.

На следующий день жизнь закрутила меня в новых вихрях, неудержимо и предсказуемо, и уже через месяц я и думать забыла про Сашку. То есть, я, конечно, его помнила – наша с ним фотография, где на мне было мое любимое маленькое черное платье, стояла в моей замечательной, я бы да-

же сказала, роскошной – с легкой руки незабвенного Сашка – квартире на самом видном месте. Но под грузом новых дел и новых событий его образ как-то слегка стерся и потускнел.

Однажды вечером, когда я уже вся с ног до головы обмалась ночным кремом, в моей квартире раздался телефонный звонок.

– Слушаю, – сказала я недовольным голосом – мне пришлось обмотать трубку телефона полотенцем – на моих руках лежал сантиметровый слой жирнящего питательного крема.

– Это Зинаида Иосифовна? – приятный грудной голос проворковал мне прямо в ухо.

– А кто же еще? – так же недовольно ответила я. – Кто это?

– Зинаида Иосифовна, это вас беспокоит некто Вильбрант Давид Семенович. Я юрист, – грудной голос был профессионально-вкрадчив. Я насторожилась.

– Юрист? Какие юристы звонят по ночам? Уважаемый, вы бы придумали что-нибудь поинтересней, – почти проорала я в трубку, но голос был настырным. Он проворковал, ничуть не испугавшись моего гнева:

– Прошу вас, выслушайте меня. Это же в ваших интересах. Дело в том, что я действую по указанию Александра Владимировича. – Я озадаченно молчала, пытаюсь сообразить, о ком идет речь. Голос мне неожиданно подсказал правильный ответ: – Сашок. Так, кажется, он любил именовать себя в некоторых кругах...

Я не дала ему закончить:

– Сашок? Что с ним? – в моем голосе, видимо, было столько неподдельной тревоги, что его голос стал намного мягче, чем даже был до сих пор.

– С ним? С ним ничего. К сожалению, в его положении уже ничего измениться не может. А вот для вас у меня есть хорошие новости. Но мне не хотелось бы сообщать их вам по телефону.

Я почему-то разволновалась и теперь лихорадочно стирала с рук масляный крем небольшим махровым полотенцем. Крем размазывался, приликая к полотенцу большими жирными кусками, и шлепался на пол аккуратными тягучими кучками. Я еще больше разнервничалась и теперь металась вокруг телефона, словно полоумная, размазывая крем по всему, к чему я прикасалась. Телефон пострадал больше всех – почти весь слой крема, который был предназначен для моих рук, переключался на его отливающие глянец, старинные бока. Увитый шелковой нитью шнур этого антикварного предмета был весь в жирной, но приятно пахнущей мази, которая обходилась мне в двести долларов за крошечную фарфоровую баночку.

Но мне было на это наплевать.

– Говорите же, говорите мне все по телефону, – снова заорала я, – какая разница.

Но голос был непреклонен.

– Нет. Давайте поступим так. Я могу приехать к вам в лю-

бое удобное для вас время.

– А прямо сейчас можете? – завопила я в трубку. – Мне прямо сейчас удобно.

– Отличное предложение. Я как раз хотел просить вас об этом. Все же, неурочное время... – собеседник явно обрадовался. – Я буду у вас минут через двадцать. – И телефон отключился. Меня всю лихорадило. Господи, Сашок! Что там стряслось? Я все еще машинально продолжала стирать крем с рук, и он наконец впитался в кожу. Или просто размазался по ней. Но это меня сейчас волновало меньше всего на свете. Я ринулась в ванную, и через пять минут на мне не было и следа этого жирного кошмара. Я привела в порядок волосы, надела свежий атласный халатик, а грязное, перепачканное кремом белье засунула в корзину. Все это я делала словно заведенная, автоматически и совершенно бездумно. Мой мозг был сейчас занят решением одной единственной задачи. Но вскоре поняв, что без дополнительной информации у меня ничего не получится, я внезапно успокоилась. «Так. То, что где-то там произошло, я и так скоро узнаю. И зачем, спрашивается, заранее портить нервы?» – повторяла я самой себе. Это помогло, и я смогла переключиться на другие текущие проблемы.

Часы показывали четверть десятого. Я пошла на кухню и включила чайник – гость все-таки. Чай, кофе, печенье – все как положено. И тут меня осенило. Он же не спросил у меня самого главного – моего адреса! Эта мысль пришла мне в

голову совершенно неожиданно, но от этой ее ошеломляющей неожиданности у меня вдруг подкосились ноги, и я медленно опустилась на табурет, очень кстати стоящий посреди кухни. «А ведь точно! Он же даже не спросил, где я живу. И код на подъезде, – размышляла я, глядя перед собой почти невидящим взглядом. – А вдруг это какой-нибудь бандит?» Запоздалый вопрос, который я задала себе, уже ничего не мог решить – в дверь позвонили. Я посидела еще пару секунд и пошла открывать. За дверью стоял вполне respectable, невысокого роста, кругленький человечек. На нем было очень дорогое – уж я-то в этом разбиралась! – коричневое летнее пальто, отделанное кантом из стриженной норки, и коричневая же шляпа. Пальто, на мой взгляд, было вещью раритетной, редчайшим экземпляром, достойным гардероба самого Эркюля Пуаро, прославившегося на весь мир не только поразительным умом, но и замашками настоящего франта.

«Нет. Не бандит», – подумала я, и жестом пригласила его следовать за мной. Человечек аккуратно поставил на пол пухлый кожаный портфель, разулся, снял шляпу и свое удивительное пальто и тщательно расчесал густые, слегка тронутые сединой волосы. Он был весь такой ухоженный и, я бы даже сказала, какой-то напомаженный, что ли. «Точно не бандит, – окончательно успокоилась я, – бандиты не расчесываются в прихожих, перед тем как прикончить свою жертву». Эта мысль придала мне уверенности, и я предложила

гостю пройти в кухню.

– Чай, кофе? – спросила я. Он молча разглядывал меня и, словно не услышав моего вопроса, сказал негромко, вроде бы как самому себе:

– Да, я понимаю Александра Владимировича. М-да. – И только после этого он взглянул мне в глаза и ответил: – Кофе, пожалуйста. Без сахара – у меня диабет.

Он расположился за столом так, словно бы находился у себя в конторе. Разложив на кухонном столе стопку бумаг, он наконец угомонился и объявил:

– Давайте знакомиться. Как я вам уже сообщил, меня зовут Давид Семенович. Я – ближайший друг и душеприказчик Александра Владимировича Навроцкого, известного вам как Сашок, – человек усмехнулся. – Ах, старый шалун, до последнего дня остался настоящим мужиком. – Человек пожевал губами и снова стал серьезным. – Но это сейчас не имеет значения. Итак, я не только являюсь старинным другом означенного выше человека, но я еще по совместительству нотариус, – и он многозначительно посмотрел на меня из-под позолоченных очков. Я молчала и ждала, что произойдет дальше. – Прошу прощения за поздний визит, но дело, по которому я вас сегодня побеспокоил, должно быть закончено именно этим числом, а днем у меня, к сожалению, была масса клиентов в моей нотариальной конторе. Так что, еще раз прошу простить, – человек высказал мне это все совершенно нейтральным тоном, так, словно бы читал це-

ны в каталоге одежды, которая вовсе его не интересовала. Поэтому его извинения я пропустила мимо ушей и нетерпеливо заерзала на стуле, все еще недоумевая, что ему от меня надо. Заметив это, человечек наконец перешел к делу: – Незадолго до своей кончины Александр Владимирович оставил несколько распоряжений, которые касаются вас, уважаемая Зинаида Иосифовна, – здесь человечек снова многозначительно глянул на меня и, выдержав солидную паузу, перешел, наконец, к делу. – Мой друг, будучи в здравом уме и твердой памяти, обязал меня сообщить вам ровно через один месяц после его смерти, день в день, следующие факты и обстоятельства. – Нотариус торжественно взял в руки самый верхний лист бумаги, стопку которой он столь тщательно разложил на столе, и, голосом глашатая, читающего царский указ, произнес: – Я, Александр Владимирович Навроцкий настоящим завещаю Зинаиде Иосифовне Воронцовой все мое движимое и недвижимое имущество, которое состоит из... – И тут нотариус огласил длиннющий список, который я уже где-то слышала. Слушая этого кругленького напомаженного человечка, я вдруг поймала себя на мысли, что просто наблюдаю за происходящим, не принимая в нем никакого посильного участия. Я словно бы смотрела какой-то фильм, события которого разворачивались вокруг меня, никак меня не касаясь и не задевая. Но постепенно мой мозг стал включаться в эту навязанную мне извне игру, и я начала осознавать, что это не кино и не игра. А все, что сейчас

происходит со мной и вокруг меня – это самая настоящая действительность. Мало того, я в этой действительности постепенно превращаюсь в главную героиню. И в моем мозгу вдруг всплыл один из вечеров, когда Сашок взволнованно и торжественно вот почти таким же голосом, как сейчас и этот забавный человечек, перечислял мне все свои неисчислимые богатства. Я продолжала сидеть напротив неожиданно свалившегося мне на голову нотариуса, глупо улыбалась и качала в такт его словам головой, словно китайский болванчик. Но теперь я его почти не слышала. Воспоминания яркими картинками, словно в мультяшном комиксе, крутились у меня перед глазами. Внезапно и совсем невпопад я вдруг очнулась и, бесцеремонно прервав речь моего вечернего гостя, спросила:

– Послушайте, а откуда у Сашка, ой, простите, у Александра Владимировича, все это? Он вообще кто, вернее, кем он был?

Мой вопрос прозвучал так нелепо, что мой визави остолбенел и теперь смотрел на меня, как на чудо-юдо из детской сказки. Наконец, вдоволь насмотревшись, он вздохнул и, не скрывая иронии, произнес:

– Чудны твои дела, господи! Так вы, моя дорогая, даже не знаете, кем был Александр Владимирович?

Я искренне призналась:

– Не-а. Мы как-то об этом никогда не разговаривали.

– М-да-а-а, – задумчиво протянул мой собеседник, снова

разглядывая меня и сочувственно кивая головой. – Неожиданный пассаж. Ну да ладно. Могу вам сообщить, что Александр Владимирович занимал весьма важный государственный пост, и его уход в мир иной стал для нашего государства большой и невосполнимой потерей.

Теперь пришла моя очередь удивляться.

– Чё, правда? – мои глаза, наверное, были больше кофейных блюдечек, стоявших на кухонном столе. – Никогда бы не подумала! – искренне поделилась я с нотариусом своим впечатлением от личности Сашка. – Он всегда был такой забавный, веселый. И совсем не похож на тех, что в телевизоре. Там все какие-то пришибленные, важные.

Нотариус выслушал меня с легкой улыбкой, блуждавшей скорее у него в глазах, а не на губах.

– А вы предполагали, что он должен был всегда оставаться ребячливым козличком? Даже когда он занимался решением важных государственных проблем? – Его ирония была очевидна даже мне. Я смутилась.

– Нет, я не это имела в виду. Просто, я никогда не сталкивалась с ним в этой другой его жизни. – Моя откровенность, видимо, пришлась по душе моему собеседнику. Его взгляд потеплел.

– Теперь я понимаю, что в вас так привлекло моего друга. Вы непосредственны и искренни. Эти качества напрочь отсутствуют в той, как вы выразились, в его другой жизни. Но теперь все это уже не имеет значения, – и он протянул

мне лист бумаги, который до этого держал в руке. – Сейчас значение имеет вот это. Вы понимаете?

Я честно призналась:

– Не совсем. Но вы же мне все объясните? – И я заглянула ему в глаза тем взглядом, который, по моим наблюдениям, еще ни одного мужчину не оставил равнодушным к моей скромной персоне. Сработало! Я сразу почувствовала перемену в его интонации.

– Конечно, деточка. Я все с удовольствием тебе объясню, – проворковал он, улыбаясь намного шире и приятней, чем до этой минуты. Ого! А где же нарочито вежливое «вы» и «Зинаида Иосифовна»? Быстро среагировал! Но мне он был неинтересен, и я решила, что после того, как я узнаю все, что меня интересует, я, скорее всего, его брошу. Я улыбнулась еще более невинно, и для верности слегка похлопала ресницами. Этот детский открытый взгляд заводил мужиков почище любого порнофильма. Я-то знала!

Утром я проснулась поздно. С кухни доносился шум текущей воды и негромкое фальшивое пение. Я прислушалась и, улыбнувшись, сладко потянулась – нотариусов в моей коллекции еще не было. Я потихоньку встала, незаметно пробравшись в ванную, быстренько привела в порядок волосы, и, побрызгав в лицо водой, осмотрела себя со всех сторон в зеркале. Отлично! Эдакая юная фея, не то школьница, не то гейша – сразу и не разобрать. Но свежая и аппетитная, словно вишенка во взбитых сливках!

Я нарисовалась в дверях кухни, приняв свою самую эффектную позу, и Дэвик – я решила, что буду звать его Дэвик – сразу весь засветился и стал похож на электрическую лампочку.

– Лапуся, – пропел он, – я сделал бутербродики и кофе.

После этих слов он провальсировал ко мне вплотную и чмокнул меня куда-то чуть пониже шеи – ростом Дэвик не вышел, и поэтому, чтобы дотянуться до моих губ, ему пришлось бы подпрыгнуть. Но я была расположена сегодня к легкому флирту и, слегка наклонившись, милостиво подставила свои губки этому неожиданному приключению.

Позавтракали мы примерно через час. За завтраком Дэвик наконец внятно и толково объяснил мне, что скоро я стану одной из самых состоятельных женщин на этой планете. Я еще вчера начала подозревать что-то подобное, но сегодня, после хорошего сна, секса и завтрака, эта новость наконец окончательно улеглась в моей голове.

– И что, я теперь могу распоряжаться всеми этими богатствами по своему усмотрению? – невинно спросила я Дэвика, улыбаясь своей самой обворожительной улыбкой.

– Конечно, милая. Ты теперь можешь делать со всем этим все, что тебе заблагорассудится. Но только после того, как спустя определенное законом время мы оформим все бумажки и соблюдем все формальности, – весело сказал Дэвик, размахивая в воздухе бутербродом с семгой.

– А какое такое время? – наивно спросила я. – Разве нель-

зя прямо сейчас вот взять и потратить немного денежек из всей этой огромной кучи, которую Сашок мне оставил?

– Нет, деточка. Прямо сейчас никак нельзя, – Дэвик был ласков, словно мой родной папочка, о котором я никогда ничего не слышала, но именно таким себе его и представляла. – Есть некоторые юридические процедуры, которые выдумали очень давно совсем не глупые люди. И нам с тобой их придется соблюсти. Но здесь есть и еще одна маленькая тонкость, – Дэвик хитро прищурился и сразу стал похож на толстого кролика из детской сказки, которую мне когда-то в далеком детстве читала моя мать. Когда она еще меня любила. – И зовут эту тонкость «родственники». Если они начнут претендовать на долю в этом наследстве и подадут по этому поводу в суд, то тут может так случиться, что суд пойдет им навстречу.

Я испуганно захлопала ресницами и пискнула:

– И что тогда будет.

Дэвик улыбнулся.

– В твоём случае, скорее всего, ничего. Потому что Сашок был хитрый малый, и семейство в свои дела никогда не посвящал. Они бы, может, и претендовали бы на долю или даже на все целиком, но и понятия не имеют, чего и сколько на самом деле у Сашка было припрятано. Уж я-то точно знаю, столько вместе пройдено... – И Дэвик мечтательно закатил глазки. – Они бы, семейство его, и рады, наверное, узнать наверняка, что да как, но Сашок умел следы замечать.

Иначе он бы на своей должности и недели не продержался. Талант! – Дэвик многозначительно поднял палец и потряс им в воздухе, указывая куда-то в высшие сферы. – Понимаешь, рассказывая тебе сейчас в частном порядке о том, что ты являешься законной наследницей всей этой кучи денег, я, – как бы это тебе подходчивей сказать, – Дэвик кончиком вилки почесал нос, – а, скажу как есть. В общем, я немножко нарушаю закон. Но, – он снова многозначительно поднял вверх палец, – я делаю это сознательно и со знанием дела. Во-первых, потому что такова была особая воля завещателя, и он мне за это хорошо заплатил. А во-вторых, потому что Сашок был моим лучшим другом.

Я смотрела на Дэвика во все глаза.

– А в чем же ты нарушаешь закон, если все равно все Сашок отдал мне? – наивно спросила я, не имея ни малейшего понятия о тонкостях нотариально-процессуального крючкотворства.

– Понимаешь, деточка, – Дэвик, по-видимому, сел на своего любимого юридического конька, так масляно заблестели его глаза, – обычная практика оглашения завещания – это обязательное присутствие в этот торжественный момент всех заинтересованных сторон. И, конечно, в оговоренный законом срок. Но Сашок особо просил меня пойти на это маленькое нарушение, потому что полагал, и, заметь, не безосновательно, что его дражайшая «половина» будет возражать против тебя. Категорически! И поэтому он попросил

меня через месяц после своей печальной кончины просто поставить тебя в известность, так сказать, подготовить твои хрупкие плечи к такому нелегкому бремени, как сумасшедшие деньги. А ровно через шесть месяцев – он особо оговорил этот, отведенный законом же, срок, – тут Дэвик хитренько сощурился и стал похож на кота, съевшего два литра сметаны, – хотя за его деньги это не имеет ни малейшего значения – открыть содержание завещания всем заинтересованным лицам. И тебе в том числе. Но тогда ты, все спокойно обдумавшая и абсолютно готовая, потому что я вовремя тебя обо всем оповестил, – Дэвик самодовольно усмехнулся, – сможешь спокойно вступить в наследство и, защищенная этой денежной машиной, уже не будешь опасаться ни мести, ни происков не только жены Сашка, но и даже всех спецслужб мира вместе взятых. Потому что на эти деньги можно купить все эти спецслужбы с потрохами. Сашок был очень умным человеком.

Выложив мне всю эту информацию, Дэвик с удовольствием впился зубами в очередной бутербродик. Я согласно покачала головой. Да, Сашок был добрым и умным. За то время, что мне повезло с ним общаться, я в этом убеждалась тысячу раз.

– Ну, а когда они узнают, что именно было в завещании, они разве не могут подать в суд, чтобы отсудить у меня хоть что-нибудь? – я не была сильна в наследственном законодательстве, но как раз недавно очень кстати посмотрела один

сериал на эту злободневную для меня теперь тему. И ситуация там – о, боги! – была очень похожа на ту, в которой я невольно очутилась.

– Милая моя! – Дэвик взял меня за руку. – Конечно, они могут. Они все могут. Только я тебе скажу, что у нас тут не Англия, где все и всегда решается согласно традиции и закону. Любой судья, которому попадет в руки это дело, сначала внимательно с ним ознакомится. И я не думаю, что после этого он захочет связываться с одной из самых богатых женщин, которые ему до этого момента попадались. Даже пока потенциально богатых. Он, скорее всего, будет просто тянуть время и заниматься каким-нибудь судебным крючкотворством. Ты даже не представляешь, как боялись Сашка при жизни многие из тех, о ком мы привыкли думать, что они всемогущи и непотопляемы! Зачем же, спрашивается, судье такие могущественные враги, как ты? Понимаешь, есть так называемое «правило больших чисел». Только очень смелые, очень богатые или очень глупые люди попытаются его нарушить, – Дэвик говорил мне все это убежденно и со знанием дела. Я не верила своим ушам, но что мне оставалось делать. Наверное, Дэвик знал, что говорил. – А насчет того, что родственники могут на долю в наследстве претендовать, это я тебе так рассказал, чисто теоретически. Так гласит закон, – Дэвик весело хмыкнул. – Я бы на твоём месте сильно не переживал о чьих-то там родственниках – они у него и так не бедствуют, да и Сашок им кое-что тоже

подкинул. По завещанию. Поверь, я в курсе, – и Дэвик многозначительно посмотрел на меня сверху вниз, хотя был намного ниже меня ростом. – А полгода пролетят быстро, и будешь ты у нас королева. Нет, даже круче.

Дэвик ласково погладил меня по голове, как маленькую и любимую дочку. В его глазах на минуточку промелькнуло то выражение, которое мне так нравилось у Сашка – нежность и бесконечная любовь. Но глаза Дэвика через минуту были просто глазами пока еще мало знакомого человека, а вот Сашок... Эх, как-то быстро он промелькнул в моей жизни. А жаль. С ним было хорошо и спокойно. И интересно. Я бы сейчас отдала половину его же собственного богатства, чтобы он опять был рядом. А оставшуюся половину мы бы тогда потратили с ним вместе. На удовольствия!

Я на минутку задумалась.

– Послушай, а почему он так поступил. У него все же есть семья, родственники?

Дэвик пожал плечами.

– Есть, конечно. Но разве можно объяснить поступки влюбленного человека? И потом, насколько я знаю, ты ведь тоже к нему очень хорошо относилась? А семья... – И Дэвик сделал какой-то неопределенный жест. – Ты хочешь о них знать? – Я активно затрясла головой – говорить с полным ртом было неудобно. – Видишь ли, Сашок был очень одиноким человеком. Ему как-то не повезло ни с женой, ни с детьми. Я знаю его семью. Они всегда хотели от него только

одного – денег. А это ведь сильно утомляет. Вот он и искал, видимо, родственную душу. И нашел! – Дэвик снова ласково глянул на меня: – И, знаешь, я его действительно понимаю. Ты, Зиночка, просто прелесть. Такая непосредственная, искренняя и ничего не требующая. Просто человек, добрый и отзывчивый.

Дэвик отставил чашку с недопитым кофе, наклонился ко мне и поцеловал. Легко и приятно, но уже не как любимого ребенка. Я улыбнулась ему в ответ, и подумала: «Нет, наверное, надо его оставить у себя. Вроде мужик хороший. Такие редко попадаются». И, приняв это решение, я теперь уже сама потянулась к Дэвику, и мы снова потеряли счет времени.

Откинувшись на подушки после второго за это утро вполне замечательного секса, я закурила и попросила Дэвика:

– А ты можешь рассказать мне про его семью?

– Про чью? – слегка опешил он. Видимо, не ожидал моего вопроса. Еще бы! Все думают, что только мужики сразу «после того как» могут спокойно повернуться на другой бок и захрапеть. Ничего подобного! Женщины тоже вполне способны сразу же переключать мозги на другие насущные проблемы. Правда, я подозреваю, что такая штука, как любовь что-то меняет в этом процессе, но мне еще не приходилось влюбляться настолько, чтобы терять голову. И поэтому я спокойно выпустила струю ароматного дыма прямо в нос Дэвику и уточнила свой вопрос:

– О семье Сашка. Ты же говорил, что знаком с его женой.

– А, ты об этом, – Дэвик даже забыл поморщиться от струи сигаретного дыма – он не курил. – А позволь узнать, зачем тебе это?

Я пожала плечами.

– Не знаю. Просто интересно. Он был такой хороший, а ты говоришь, что семья у него – полное дерьмо. Разве так бывает?

Дэвик усмехнулся и снова посмотрел на меня весьма заинтересованным взглядом.

– Как тебе удалось сохраниться, живя в таком страшном мире? – ответил он вопросом на вопрос. Я не поняла, что он имел в виду, и он пояснил. – Понимаешь, ты человек без второго дна, без червоточины там, внутри тебя. Но совсем не глупая. Это большая редкость. И это всегда очень заметно. Уж ты поверь, у меня глаз наметанный. А люди скучают по таким как ты. Особенно там, – и он снова показал пальцем куда-то вверх. – В смысле, там, в том обществе, из которого был Сашок. Ну, и я, собственно, – добавил он после некоторого раздумья. – Там ведь все насквозь фальшивое: улыбки, чувства, – он снова ненадолго задумался, видимо, размышляя о чем-то своем. – Только бриллианты настоящие, – он грустно улыбнулся на последних словах. Наверное, он хотел пошутить, но вышло как-то неловко.

Немного помолчав после этого короткого монолога, Дэвик натянул одеяло до подбородка, видимо, собираясь с новыми мыслями, и поведал мне следующее.

Жена Александра Владимировича была особой волевой и вполне самостоятельной. Она властно руководила всем, что попадалось ей под руку, и за много лет совместной жизни это стало просто невыносимым. А если все по порядку, то выглядело это примерно так.

Пока Сашок взбирался по ступеням карьерной лестницы, жениться ему было недосуг. Но к сорока, когда он достиг почти всего, чего может желать, здоровый и амбициозный мужчина, он, вероятно, слегка расслабился. И напрасно! Его тут же поймала в свои любовные сети молодая и весьма эффектная женщина. Ей было 28, ему – на 16 лет больше.

Сначала он был без ума от своей молодой жены. Но, шло время, эйфория и любовный флер рассеялись, и Сашок, будучи человеком весьма неглупым, понял, что «попал». Жена становилась все требовательней, и бескорыстность, которая покорила сердце закоренелого холостяка, слетела с нее как утренний туман с холодной глади реки поздним утром. Но к тому времени у них уже был сын. И Сашок смирился.

Он с головой ушел в работу и стал зарабатывать еще больше денег. Это устраивало всех. Время пролетело незаметно, сын подрос, и Сашок с ужасом понял, что сын совершенно не интересуется делами и жизнью отца. Он с удовольствием и какой-то остервенелостью изучал всякие мудреные науки, был жаден до знаний. Но той сердечности, которой так не хватало Сашку по жизни, сын то ли не обладал вовсе, то ли она была запрятана где-то очень далеко в его сердце. А мо-

жет, влияние жесткой матери сказывалось – дети в таких семьях немногословны, неулыбчивы и редко склонны проявлять свои эмоции. Сашок мучился от мысли, что сын с каждым годом становится все более далеким для него человеком, но сам шагов к сближению не делал. Он решил оставить все как есть и просто ждать. Но годы шли, а в отношениях отца и сына ничего не менялось.

Единственное, что унаследовал от него сын – это чудовищную работоспособность и неутомимую любовь к женщинам.

Сын отпраздновал совершеннолетие и, с головой уйдя в бизнес, который Сашок организовал специально для своего отпрыска, выкачивал деньги из своей строительной конторы, как насос нефть из нефтяной жилы. Сашок наблюдал за успехами своего сына с каким-то смешанным чувством, в котором так до конца никогда и не смог разобраться. С одной стороны, он страшно гордился тем, что его наследник такой умный и успешный. Но, с другой стороны, где-то в глубине души он страшно скучал по простым сыновним чувствам, напрочь лишенным корысти и денежного интереса. Сашок не был излишне сентиментален. Нет! Ему хотелось, чтобы однажды сын пришел к нему и сказал, просто так, безо всякой бравады и показухи: «Отец, ты для меня самый великий и самый замечательный человек на земле. И я хочу, чтобы ты это знал!» Но сын все не шел и не шел, а шло время, и Сашок, сам человек очень занятой, наконец перестал ждать

«сбычи мечт», а просто стал жить дальше, с горечью наблюдая, как с каждым, вновь добытым из бизнеса миллионом целковых, отдаляется от него его семья. Эх, деньги, презренный металл!

Стройка всегда хорошо кормила всех, кто пасся на полянах, расположенных рядышком с властью. Пару раз в фирме сына возникали скандалы – что-то там с обманутыми дольщиками или еще какая-то околостроительная дребедень. Но Сашок оба раза скандалы замял – сын все же! Не бросать же родное дитя на съедение всяким там прокурорско-ментовским волкам. После скандалов сынок, видимо, поумнел, и больше неприятностей ни с ним, ни с его бизнесом не было.

Сашок привык к такому положению вещей с его «родственничками», успокоился и вернулся к прежнему – холостому – образу жизни. Днем – госслужба, вечером – веселые кампании. Но он, как человек разумный и осторожный, четко отделял первое от второго. И ни разу не попался.

Сашок вообще по жизни был человеком веселым и добродушным. Несмотря на всю гадючесть своей профессии. И в отличие от своей «замечательной семейки».

Так они теперь и жили, каждый сам по себе. И никто ничего не хотел менять. Жена и сын – по понятным только одним им причинам. А Сашок – по инерции. Он как-то пристроился уже к этой хромоногой семейной жизни, притерпелся и «зажигал» в свое удовольствие с певичками и модельками. Благо, здоровье позволяло. Так продолжалось до

тех пор, пока он не встретил меня.

– И знаешь, Зиночка, я тебе скажу, что Сашка тогда словно подменили. У него только и разговоров было, что Зиночка то, да Зиночка сё. Влюбился он в тебя, как пацан. – Здесь Дэвик сделал невозможную для него вещь, он взял из моей руки сигарету и жадно затянулся. Я обомлела. Он же принципиально не курил! И сам прочел мне занимательнейшую лекцию о вреде курения еще вчерашним поздним вечером, после того, как я попросила у него сигарету.

Что такого особенного или волнующего было в рассказе Дэвика, я так и не поняла. Ну, жена – стерва, ну, сын – сволочь. Ну, в конце концов, влюбился мужик в юную девушку, в меня, то есть. И что? Да таких историй вокруг пруд-пруди!

Я высказала свои соображения Дэвику, но он лежал рядом и загадочно улыбался. Когда мой монолог иссяк, он приподнялся на локте и заглянул мне в глаза.

– Понимаешь, девочка. Вся твоя прелесть заключается именно в том, что ты даже не догадываешься, в чем она заключается.

Во, загнул!

Я сделала вид, что ничего не поняла. Мужики обожают, когда мы, женщины, чего-то не понимаем. И тогда у них есть возможность долго и пространно объяснять нам, глупеньким, что-нибудь совершенно пустяковое. А мы можем часами слушать их и согласно кивать головой, думая при этом, например, о том, что завтра совершенно необходимо сде-

лать маникюр – вон, лак на правом мизинце уже совершенно облупился. Главное при этом случайно не выйти из роли и, продолжая ласково улыбаться своему визави, так искусно подавлять зевоту, чтобы он ничего не заметил.

Умные женщины так всегда и поступают – надо обязательно дать мужчине почувствовать свое превосходство. И тогда он ваш навеки. Попробуйте. Потом спасибо скажете!

Только дуры командуют своими мужиками открыто и на показ. От таких мужики сбегают быстрее всего.

Глава 4

Мы провалялись в постели почти до самого вечера – благо, у Дэвика был выходной, и он никуда не торопился. В перерывах между сексом (Дэвик, невзирая на возраст и рост, был практически неутомим) и плотными перекусами, я периодически возвращалась к так почему-то заинтересовавшей меня теме.

– Слушай, я все равно не понимаю, почему Сашок мне все отписал? Все же, семья, пусть и не очень удачная. Но ведь родные люди. Жалко их.

Дэвик усмехнулся:

– Не жалея. Они люди не бедные. У сына своих деньжищ несколько вагонов. Правда, я тебе могу сказать одно – я тоже удивился, когда Сашок мне весь этот список приволок и объявил, что хочет отдать все тебе. Он там жене что-то отписал, какую-то мелочь. На прокорм вполне достаточно, но не жирно. Но, ты знаешь, наверное, он был прав. Ей и этого – выше крыши. За ее стервозность. Она – сука редкостная! – На лице Дэвика появилось неприязненное выражение, но тут же сменилось на его обычную добродушную улыбку. – А ты – совсем другое дело. Хоть в самом конце жизни его кто-то приласкал и согрел. Он ведь, по сути, был очень одиноким человеком. – Дэвик даже сделал акцент на последней фразе, хотя уже упоминал сегодня об этом обстоятельстве.

Я задумалась. Получается, что мое случайное знакомство на скачках принесло совершенно неожиданный результат. Я не имела в виду себя и полученные дивиденды. Я думала о Сашке. Какое счастье, что он не успел мне надоест! А то было бы нечестно получить от него такой колоссальный сюрприз. Я легла на плечо Дэвика, и он меня слегка приобнял.

– Знаешь, если ты и вправду уверен, что его семья не станет на меня обижаться, то я, пожалуй, приму все эти подарки.

Дэвик посмотрел на меня очень странным взглядом и обнял еще крепче. Помолчав, он вдруг тихо прошептал мне в самое ухо:

– Я не знаю, будут ли они обижаться, но я-то точно на тебя не буду. Ты – славно. – И мы уснули.

Когда мы проснулись, за окном уже начало темнеть. Я встала, чтобы включить свет. Закат был потрясающе красив и, прежде, чем задернуть занавеску, я решила немного полюбоваться на краски вечеряющего московского неба. Я открыла балконную дверь и, стоя на пороге, с удовольствием вдыхала вечерний воздух. Он приятно щекотал ноздри свежим ветерком, слегка приправленным запахами города. Я уже было собралась задернуть занавеску, как вдруг какое-то очень быстрое насекомое стремительно пронеслось мимо моего уха с тихим свистом, и в следующую секунду раздался душераздирающий крик. Дэвик вскочил с кровати и теперь вертелся на одной ноге, словно ошпаренный. Я сна-

чала не поняла, что произошло, но в следующее мгновение второе насекомое с таким же тихим свистом промелькнуло еще ближе к моему уху, и ваза, стоящая у изголовья моей кровати, вдруг взорвалась тысячами осколков.

– Закрой дверь, дура, – продолжая вертеться на одной ноге, взвыл Дэвик, – ты, что, не видишь – стреляют.

Я не слышала никаких выстрелов, но от неожиданности сделала все ровно так, как просил Дэвик. Я резко задернула плотную штору и, отскочив от балконной двери – для надежности – погасила свет. Дэвик теперь лежал на полу, на животе, и тихонько стонал и всхлипывал. В темноте его силуэт был освещен только тусклым светом флюоресцентной скульптуры Аполлона Бельведерского – так значилось на табличке около его левой ноги. Скульптура была высотой в половину человеческого роста, стояла около стеклянного туалетного столика и, отражаясь в нем, наполняла слабым светом мою спальню. Эту скульптуру тоже подарил мне Сашок, когда приобщал меня к прекрасному. На нее я вешала свои шляпы, когда мне было лень убирать их в коробку.

Я словно впала в транс, и вся действительность теперь проплывала передо мной, как кадры в замедленной киносъемке. Всплипы Дэвика, сгущающаяся чернота за окном, которую я видела в тоненький просвет между стеной и занавеской, таинственный – из-за флюоресцентного Аполлона – полумрак в комнате... У меня никак не получалось сообразить, что происходит, и я стояла посреди спальни, окаме-

невшая, похожая на статую моего древнегреческого божка, только без подсветки. Моя голова была пуста, словно из нее удалили все мысли. Мне показалось, что прошла целая неделя. К действительности меня вернули все более и более жалостливые стоны Дэвика.

Метнувшись к прикроватному столику, я сдернула с него ночник и, поставив его под кровать – так будет меньше света в окне – я включила крошечную лампочку. Но и в этом неярком свете было видно, что Дэвик, белый, как полотно, прижимает руку к своему весьма обширной комплекции «мягкому месту», и на полу под ним медленно расплзается темное пятно.

Когда все произошло, я даже не успела испугаться. И только теперь у меня вдруг начали дрожать руки, и до меня, наконец, дошло, что то, что я приняла за насекомое – это вовсе не представители нашей фауны, а пули. Обыкновенные железные пули, которыми убивают. А звука не было слышно только потому, что стреляли откуда-то издалека. И, скорее всего, с глушителем. Сейчас это показывают во всех сериалах, но я и предположить не могла, что когда-нибудь смогу принять участие в одном из них. От мысли о пуле мне стало очень страшно, и теперь этот страх волной обрушился на меня. Но я не дала ему ни малейшего шанса. Дэвик валялся передо мной на полу огромной жалобной кучей плоти, и эта куча срочно нуждалась в моей помощи.

– Дэвик, что с тобой? – я подскочила к нему. Лужа, кото-

рую я заметила под ним, была липкой на ощупь. – Это, что, кровь? – я испугалась не на шутку. – Ты ранен? Куда?

Дэвик уже откровенно рыдал, как маленький, потерявший в толпе на базаре маму, ребенок.

– Больно-о-о, – протянул он сквозь слезы, и рукой показал туда, где болит. Я поднесла ночник к тому месту, на которое он указал и... Анекдотичность ситуации заключалась в том, что пуля попала прямо в его пухлый, желеобразный зад. Прямо в одну из этих колышущихся округлостей. Я замерла, растерявшись и борясь с неожиданно накатившим на меня приступом хохота. Наверное, это был не совсем смех, а просто нервы, но истерический хохот, который я больше не могла удерживать в себе, огласил комнату. Истерика продолжалась минуты три. Дэвик даже перестал плакать. Я сидела рядом с ним и хохотала как полоумная. Дэвик, охая, повернулся на бок и обиженно засопел.

– Может, все же вызовешь мне «скорую», – сказал он совершенно больным голосом, и мой смех сразу куда-то делся. Я наконец обрела способность здраво соображать, и тогда все сразу стало на свои места.

Зачем мне ночник, если занавески плотно задернуты? Этот вопрос сразу нашел свой ответ. Я снова включила свет и моим глазам предстала картина, которую я не забуду никогда. На полу, весь в крови лежал мой бедный нотариус. Кровь была и на постели. Но это меня сейчас абсолютно не волновало. Придя в себя, я сразу начала действовать. Во-первых,

я вызвала по телефону «скорую» и милицию – так сказал Дэвик и, во-вторых, попыталась помочь моему другу и хоть немного облегчить его страдания. Последнее мне не удалось, потому что кроме как на животе он больше никакой другой позы принять не мог. Тогда я просто обмотала его драгоценный зад потуже простыней и оставила свои бесполезные попытки до приезда «скорой». Я села рядом с ним на пол и, глядя его по голове, приговаривала:

– Потерпи, мой хороший. Ох, эти злые люди, и зачем они в тебя стреляли? Вот мерзавцы!

Дэвик, преодолевая боль, приподнялся на полу и, взглянув на меня, прошептал:

– Они не в меня стреляли. Они стреляли в тебя.

Я подумала, что он бредит. Так бывает, я знаю, от боли люди начинают нести всякую чушь. Но страх холодной густой волной вдруг зародился у меня где-то в районе лодыжек и медленно, очень медленно пополз вверх, к груди. Я замолчала на полуслове. Мой организм, отвыкший от стрессов, давно утратил на них положенный иммунитет. Но неожиданный поворот событий взболтал мою сущность, как бокал с апельсиновым соком, и весь осадок, вся моя прежняя, далекая жизнь, спокойно лежавшая на дне этого бокала, вдруг поднялась наверх, мгновенно отрезвляя меня нынешнюю, привыкшую к неге и комфорту. Дэвик немощно кряхтел, сидя на одной половинке своего желеобразного зада. Минуты текли, я размышляла. Казалось, мой раненный нотариус теперь це-

ликом погрузился в свои неприятности, но он продолжил:

– Скорее всего, это из-за наследства. Если, конечно, у тебя нет каких-нибудь могущественных врагов, которым ты прищемила хвост или перешла дорогу.

И он поднял на меня страдальческий взгляд. Я помотала головой. Никому я ничего не прищемляла! Дэвик вздохнул.

– Если это из-за Сашкиного завещания, то они весьма оперативно все разнюхали. Хотелось бы знать, кто именно им рассказал про завещание. Нет, я допускаю, что сам факт существования завещания – это, само собой, не тайна. Оно должно было где-то быть. Но откуда они узнали, что я буду у тебя этим вечером? И о том, что я должен тебе – именно тебе! – что-то вообще сообщать! Странно это все. Но я обязательно докопаюсь до истины. Не сомневайся, – голос Дэвика сейчас звучал очень убедительно, хотя он и морщился от боли после каждого произнесенного им слова. – Ну, ладно, узнали и узнали. Могли бы просто прийти поговорить. Просто я не думал, что они начнут действовать такими методами.

Я сидела около него, и до меня понемногу доходил смысл его слов. Значит, получается, что из-за этого дурацкого списка, который мне недавно торжественно зачитал этот юридически подкованный нотариус, я теперь оказалась в положении зверька, на которого можно открывать охоту?

– Нет, так я не хочу, – я заявила это вполне уверенно и безапелляционно. – А ты можешь как-то это все поменять.

Прямо сейчас.

– Что поменять? – не понял Дэвик и болезненно поморщился.

– Ну, все это наследство. Если меня из-за него хотят убить, то зачем мне такой подарок? Я и без этого неплохо жила. – Я даже разозлилась.

– Нет, здесь ничего прямо сейчас поменять нельзя, – сказал Дэвик и снова охнул. – Да и потом, даже если ты и захочешь что-то изменить или просто ото всего отказаться, то на это нужно время. А вот его-то у тебя как раз может и не быть. И потом, эти люди вряд ли поверят, что ты добровольно откажешься от такого куска. Нет, не поверят. И поэтому охота на тебя будет открыта до победного конца.

Это мне совсем не понравилось.

– И что же мне делать? – растерянно спросила я.

– Ну, прежде всего, сейчас рассказать милиции все, что произошло. Ну, например, что к тебе на огонек заглянул старый приятель, и пока мы с тобой расслаблялись, произошел этот непонятный казус с выстрелами. Наверное, кто-то что-то перепутал. Прикинься дурочкой – так безопасней всего. Но про наследство тебе лучше помалкивать. И еще. Мой тебе совет – бери это Сашкино барахло, и потом тебе уже никто не будет страшен. А то так тебя точно пришьют где-нибудь в темном углу. На всякий случай, для верности. Они все равно не отвяжутся. Точно! – и Дэвик снова охнул, видимо, от нового приступа боли. Но он не сдавался, профессио-

нализм был сильнее любых личных неприятностей: – И потом, зачем тебе что-то менять? Деньги – это всегда хорошее подспорье в жизни. Особенно, для молодой хорошенькой девушки, – Дэвик даже попытался улыбнуться. – С помощью денег ты сможешь что-нибудь предпринять. Например, откупиться, или сама пойдешь в наступление. В общем, что-нибудь придумаешь. Тебе, главное, продержаться до вступления в наследство. А потом ты наймешь целую армию, и тебе никто не будет страшен. Чем ты рискуешь? Жизнью? Так теперь ты в любом случае под ударом! – Дэвик распалился и даже начал жестикулировать, словно выступал в суде перед коллегией присяжных. – Но ты можешь хотя бы попробовать выжить. Если все получится, то будешь королевой...

– А если нет, то меня в любом случае грохнут, – закончила я его мысль, – вот, Сашок, молодец, удружил, – я снова развеселилась. Но теперь это была не истерика. Нет, теперь это был мой прежний, зауральский смех. Из той моей жизни. Мои мозги, расслабившиеся от сытой и красивой жизни, неожиданно сами собой стали оживать. Мне же бороться за свою жизнь было не привыкать. Вся моя прежняя, теперь уже слегка забытая, жизнь была борьбой за выживание. Ну, что ж! Вызов принимается.

И мне сразу полегчало.

А Дэвик не унимался:

– А что же ты хотела? Денежки – они всегда такие, с приколами. Особенно денежки огромные. Да еще с неба свалив-

шиеся. На них же всегда найдется, кому позариться. Единственная заковыка – это, как они обо всем узнали? – и Дэвик задумался. По его лицу иногда пробежала болезненная гримаса, но нотариус явно одерживал верх над болеющим человеком.

Я тоже задумалась. Он был прав. Никакие богатства еще никому не доставались без борьбы или хотя бы просто какой-нибудь мышинной возни. И там иногда постреливают – я это знала, этого добра в любом киношном сериале целые километры.

– Слушай, а может, это не его семья? – меня вдруг осенило. – Может, ты ошибаешься?

Взгляд Дэвика из жалобного стал сочувствующим:

– Девонька, если бы ты потерялась столько же, сколько я, там же, где и я, ты бы уже ни в чем не сомневалась. Все же сходится. Ну, кто будет вычислять место жительства какой-то среднестатистической девицы, да еще нанимать снайпера? А то, что это снайпер – к гадалке не ходи! Это все больших денег стоит. И если у тебя нет могущественных врагов, то кроме семейства Сашка этим больше заняться некому. Тем более у них такой грандиозный повод! – Дэвик выдохся, и теперь лежал на полу тяжело дышащей грузной кучей.

Я раздумывала над его словами несколько минут, но мои размышления прервал звонок в дверь. Милиция была бесцеремонна.

– Что здесь произошло? – Неприятный человек с непри-

ятным лицом и таким же голосом задал мне этот вопрос, тоном, которым обычно спрашивают: «Как твои дела?», когда встречаются с человеком, с которым вы расстались только час назад.

Я рассказала то, что мне велел Дэвик. Милиционер все записал и собрался уходить.

– Господин милиционер... – начала было я, но его взгляд остановил мой так и не начавшийся поток слов:

– Я не милиционер. Я – следователь.

И он ушел, кивнув своему помощнику. Тот оказался полной противоположностью своего шефа. Он методично облазил на четвереньках всю комнату, поднялся, отряхнул колени и улыбнулся. «Чепуха! Дело житейское!» Вылитый Карлсон, который живет на крыше. Мне аж легче стало. Затем он заглянул на балкон, все время что-то бормоча себе под нос и вернулся в комнату.

– Наверное, из соседнего дома стреляли. Похоже, вы кому-то здорово на хвост наступили.

– Никому я никуда не наступала, – искренне возмутилась я, помня советы Дэвика, – я вам говорю, что это меня с кем-то спутали. Ну, сами подумайте! Кто мне может желать зла? – И я состроила глазки этому веселому человеку.

– Не знаю, не знаю, – действительно засомневался он, внимательно разглядывая меня.

Мы поболтали, и следователь оставил мне номер своего мобильного с традиционно-сериальным напутствием: «Если

что вспомните – звоните». После этого он откланялся, забрав с собой всех своих подручных. «Скорая» увезла Дэвика, и я осталась одна. Здравомысленно рассудив, что после посещения моей квартиры таким количеством людей, включая милицию, новых покушений до следующего утра, скорее всего, не будет, я кое-как прибрала в спальне, приняла душ и, обмазавшись с головы до ног огромной порцией ночного крема, завалилась спать. Война войной, но выглядеть женщина должна хорошо всегда. Даже на войне.

Глава 5

На следующий день я развила бурную деятельность. Мне страшно хотелось узнать о дальнейших планах моих неизвестных врагов. Но для этого я должна была быть в гуще событий, чего мне абсолютно не хотелось делать лично. Поэтому я придумала весьма хитроумный – с моей точки зрения – план.

Я не стала собирать громоздких чемоданов, а, прихватив с собой только самое ценное и необходимое, отправилась прямиком к Нике, соблюдая все правила конспирации, которым меня научила жизнь и телесериалы.

Первое, что я сделала, это сменила «симку» на своем телефоне. Так гласил неписанный, а показанный по телеку, Первый Закон Конспирации. До вчерашнего дня я бы могла похвастаться абсолютным рекордом по просмотру телесериалов. И там всегда, чтобы уйти от предполагаемых врагов, главный герой первым делом выбрасывал свой телефон. Но со вчерашнего вечера мне что-то совсем расхотелось смотреть сериалы. Жизнь оказалась еще более натуральной, чем самый захватывающий сериальный сюжет.

Я ограничилась выбрасыванием «симки». Во всяком случае, так я уж точно не подставлю Нику, если вдруг меня захотят вычислить по телефону. Последний звонок, который я сделала по моему старому телефонному номеру, это был

звонок моей горничной-филиппинке. Мы за время общения с ней все же умудрились изобрести некий, понятный только нам двоим, язык.

– Маня, вы уходите в отпуск. На три месяца, – сообщила ей безо всяких объяснений. – Я потом вам позвоню.

После этого моя бедная, ни в чем не повинная «симка» улетела в ближайшую канаву. А судьба моей горничной перестала меня интересовать в принципе.

Ника, не задавая мне ни одного лишнего вопроса и взирая на меня подобострастно-восхищенным взглядом, выслушал все мои инструкции и даже кое-что записал, чтобы не забыть. Потом я залезла в Интернет и, покопавшись там с полчасика, нашла то, что нужно. Это было модельное агентство, носившее пышное название «Суперстар-Альфа». Реклама его на сайте была достаточно строгой, но личики у моделей на рекламном ролике были лукавые и, я бы даже сказала, разбитные. Это-то меня и привлекло. Модели, которые не станут задавать лишних вопросов – а из рекламного ролика это было ясно даже слепому – подходили мне на сто процентов. Я предусмотрительно, еще с самого утра, оделась вызывающе дорого. Кстати, Никино восхищенное молчание и полное повиновение отчасти были вызваны именно моим внешним видом. Выполнив первую часть моего плана, я приступила к реализации второй части. Теперь я отправлялась на встречу со своей судьбой – так любят писать в дешевых провинциальных романах. Но сейчас в этой фразе для меня

крылся самый настоящий сакральный смысл. Взяв у Ники напрокат его весьма недурственный новый «Ниссан», я заявила в выбранное мною с помощью всезнающего Интернета модельное агентство.

– Здравствуйте, – поприветствовала меня на входе секретарша. Ее взгляд был пронизывающе-добрым. Но меня обмануть было не в ее компетенции. «Профессионалка», – почему-то подумала я, глядя на неё, и даже не поняла, к какому именно роду человеческой деятельности относилась моя спонтанная мысль.

– Добрый день, – весело проворковала я и, не давая раскрыть рта моей визави, быстро изложила свою просьбу: – Пожалуйста, позовите мне вашего директора. И побыстрее.

Секретарша, услышав мои слова, презрительно фыркнула, при этом взгляд ее источал материнскую нежность. Как это у нее так получалось смешать несмешиваемое?

– Прошу прощения, но в такую рань все обычно спят. Поэтому ничем не могу вам помочь. – И она вежливенько поджала губки.

– В такую рань за десять тысяч баксов гонорара лично вашему директору через пятнадцать минут все не только проснутся, но и будут уже на работе, – в тон ей парировала я. – Я – ваш новый клиент, и у меня грандиозные планы по финансированию вашей богадельни.

Девушка тихо ойкнула и набросилась на телефон. Пальцы у нее дрожали, и лицо постепенно меняло цвет от нежно-ро-

зового к глубоко-синему. Ну, прям северное сияние! Эти переливы закончились только тогда, когда девица объяснила ничего не понимающей спросонок директорше, что у них в офисе какая-то безумно богатая фифа желает немедленно приступить к работе с их агентством. Я внимательно слушала ее профессионально-убедительные рулады, и в такт им кивала головой. Во, дает! Я мысленно поаплодировала своему нюху – надо же, с первой попытки и такое точное попадание! Скорее всего, здесь меня обслужат по высшему разряду.

Через полчаса запыхавшаяся и абсолютно ненакрашенная директриса влетела в офис, на ходу застегивая шелковую блузку – видимо, одеваться ей пришлось прямо в машине. На голове у нее была прическа, именуемая в народе «воронье гнездо». То есть, волосы торчали во все стороны, скрепленные где-то в районе макушки серебристой заколкой. Я успела заметить блеск кристаллов Сваровски в гуще волос этой дамочки. «Ух, ты, дорогущая заколка спросонок – это хороший знак. Значит, агентство точно не совсем пропащее. В дешевых заведениях директрис с кристаллами Сваровски в волосах не водится». Меня все еще немного смущало ее заспанное ненакрашенное лицо, но улыбка на лице этой дамы была такой радостной и даже где-то радушной, что я тут же простила ей внешний вид. Все же я сама была виновата – заявилась чуть не в восемь утра, удивительно, что здесь вообще кто-то был.

– Прошу вас в мой кабинет, – прошептала директриса,

на ходу напяливая на голову шифоновый шарфик и закручивая его изящным тюрбанчиком. От этого простого действия, скрывшего ее неприлично торчащие лохмы, она сразу преобразилась и приобрела почти респектабельный вид. Крупные опаловые бусы, которые она последовательно, следом за несколькими не дешевыми бриллиантовыми колечками достала из дамской сумочки и повесила на соответствующие места, довершили картину. Теперь передо мной за директорским столом сидела вполне благообразная женщина, готовая выслушивать любые мои пожелания. В дверь постучали, и, не дожидаясь ответа, секретарша внесла на подносе две чашки ароматно пахнущего кофе и какие-то печенюшки и сладости. «Вовремя», – мысленно одобрила я. Я не успела позавтракать, потому что полностью была поглощена своими планами на это утро. Но вот теперь, когда они наконец стали реализовываться, я почувствовала легкий голод.

Я отхлебнула из чаши. Кофе был на вкус таким же, как и на запах – приятным и в меру крепким. Я люблю такой, и мое настроение существенно улучшилось. Посмаковав приятный напиток, вслух я сказала:

– Пожалуй, мы с вами сработаемся.

Директриса продолжала преданно смотреть мне в глаза и ждать. Она молчала, видимо, надеясь услышать подтверждение тому, что наговорила ей секретарша в телефонную трубку. Она пока не могла понять, приснилось ей мое заманчивое предложение или оно все-таки существует наяву. Я не

разочаровала ее ожиданий. Глотнув еще кофе и наконец решив, что оттягивать разговор далее бессмысленно, я прямо с места в карьер, брякнула:

– Я хочу заплатить вам десять тысяч долларов за одну небольшую услугу.

Услышав цифру собственными ушами, директриса вся обратилась в слух. И, чтобы я уже в этом не сомневалась, она добавила сладким голосом:

– Я вас внимательно слушаю.

– Мне нужен мой двойник, – сказала я буднично, словно просила ее вызвать мне слесаря для починки крана на кухне.

– Кто, простите, – переспросила директриса, видимо, не надеясь на точность своего слуха.

– Двойник. Человек, похожий на меня как две капли воды, – уточнила я, продолжая спокойно пить кофе. Мое заявление, видимо, произвело какой-то эффект. Но я пока не могла понять, какой именно. Директриса продолжала молча пялиться на меня, но в ее глазах я еще не могла прочесть, поняла она мою просьбу или нет. Я решила усилить впечатление с помощью уточнения поставленной задачи. – Я хочу, чтобы вы выбрали мне девушку из ваших моделей для выполнения моего поручения, девушка должны быть как две капли воды похожа на меня, и за это я лично вам дам десять тысяч долларов. Вам что-то неясно? – спросила я, добавив в голос немного ехидства. Директриса явно впала в ступор, пытаясь понять, чего я хочу, и ее теперь срочно на-

до было выводить из этого состояния. Для верности я еще и громко похрустела печеньем. Она, наверное, предполагала, что я заявила сюда, чтобы предложить ей какой-нибудь новый конкурс красоты для ее «мисок», и моя просьба, соглашусь, несколько странная для такого агентства, никак не могла срастись у нее в мозгу с привычными для нее задачами. Но стоимость этой услуги была грандиозна, и я сейчас с удовольствием наблюдала, как на ее лице отражается трансформация её же собственных мыслей. В ней боролись жадность и еще какое-то, непонятное мне, чувство, может быть, страх перед необычной задачей, я точно не знала. Но то, что эта борьба имела место, это было абсолютно точно. Я решила еще раз прийти ей на помощь.

– Если вам эта задача не по силам, – сказала я, переходя на ледяной тон, – то я обращусь в другое агентство.

Директриса мгновенно вышла из комы, она из нее просто выпрыгнула:

– Не надо! Не надо в другое агентство. Никаких проблем. К какому числу вам необходимо обзавестись, м-мм, вашей сестрой-близнецом? – директриса умнела прямо на глазах.

– Вы очень точно поняли мою просьбу, – сказала я резко изменившимся голосом. Он звучал как журчание летнего ручья, текущего под кронами зеленеющих дубрав через луг, заросший ромашками. В моем голосе была романтика и мечтательность. – Вы так правы! Мне как можно скорее нужна именно сестра-близнец. Желательно, прямо сегодня. В тече-

ние ближайшего часа, – я томно закатила глаза и вздохнула, изобразив на лице сочувствие ко всему живому. – Я хотела бы помочь хоть одной из ваших девушек. Материально. Ведь у них, как правило, трудные судьбы? – Я несла всю эту чушь, глядя ей в глаза глазами нежной газели, и она качала головой в такт моей чуши, также глядя на меня с ответным искренним сочувствием.

– Понимаю, понимаю вас. Это так благородно. Я готова вам помочь. Прямо сейчас.

Это было именно то, что нужно. Я благосклонно улыбнулась и достала кошелек:

– Это аванс. – И на столе перед директрисой появилась кучка зеленоватых прямоугольничков. Она сгребла их в ящик стола и широко улыбнулась:

– Еще кофе?

– Пожалуй, – ответила я.

Пока я наслаждалась второй чашкой кофе, в агентстве развернулась бурная деятельность. В течение получаса оно наполнилось людьми. Все куда-то звонили, суетились и хлопали дверьми. Минут через сорок директриса, которая, извинившись, покинула меня для исполнения моего желания, и, видимо, и была причиной всего этого переполоха, всплыла в кабинет, улыбаясь мне еще шире, чем час назад. Теперь она выглядела несколько иначе. Аккуратно уложенные волосы и свежий макияж совершенно ее преобразили. Я всегда завидовала деловым женщинам. Как они так все успевают?

И проснуться ни свет, ни заря, и прическу соорудить, и лицо в порядок привести! Тут проснешься в полдень, и все равно ничего толком за день не успеешь! Я восхищенно смотрела на нее и ждала.

– Прошу прощения за некоторую задержку, но девушки уже почти все собрались, и, пожалуй, вы можете приступить к осмотру. Кстати, меня зовут Жанна Евгеньевна, – и она помолчала несколько секунд, видимо, рассчитывая на ответное знакомство. Я пропустила это мимо ушей, но она, понизив голос, сказала:

– Можно я буду называть вас, м-м-м, Еленой? А то персонал, как бы вам это сказать, станет задавать лишние вопросы. У нас все клиенты обычно представляются.

– Еленой, так Еленой, – согласилась я. – Какая, в общем, нам с вами разница. Правда?

– Конечно, – она изобразила на лице полное понимание. Людская жадность – замечательная вещь! Я это давно поняла и всегда пользовалась этим бесценным человеческим качеством в своих целях. Моя непомерная щедрость в вопросе оплаты моей будущей «сестрицы» была вызвана двумя причинами. Во-первых, мне страшно хотелось посмотреть, что будет происходить, если я снова появлюсь на сцене, вернее, в моей квартире. А о второй причине мне и думать не хотелось. Как любой русский человек, где-то в глубине души я надеялась на обычный русский «авось»: авось, обойдется и все останутся живы и здоровы.

Я очень на это надеялась! Пусть все будет хорошо, а я, сидя где-нибудь в сторонке, буду внимательно наблюдать за происходящим. Вернее, наблюдать буду не я, а профессионалы из детективного агентства, к которым я собиралась направиться сразу после визита к «мискам». Поэтому моя щедрость была вполне обоснованной.

«Миски» не подвели. Девчонки были все как на подбор. У меня сложилось впечатление, что зеркало, в которое я обычно смотрюсь по утрам, ожило, и мое собственное изображение вдруг самовольно вышло наружу. Погулять! Мою фотографию, предусмотрительно захваченную мною в агентство, мгновенно растиражировали и, видимо, раздали стилистам. Потому что один человек не мог за такое короткое время проделать такую огромную работу с таким количеством людей. Девушек было штук двадцать, и все они были похожи на меня просто потрясающе. После трех часов моих мытарств мы с директрисой наконец определились с кандидаткой, и она поступила в мое полное распоряжение.

– Простите, можно я кое-что уточню, – директриса вежливо тронула меня за рукав и глазами показала, что нам лучше пообщаться без свидетелей. Я все поняла, и мы отошли в укромный уголок – пошептаться. – Скажите, м-м-м, Елена, мне как-то надо объяснять выбранной вами девушке цели и задачи, которые вы перед ней поставите, или вам удобнее сделать это самой?

Взгляд у директрисы был полон не только подобостра-

ствия, но и любопытства. Видимо, она решила, что я напоследок «расколюсь» и посвящу ее в мои планы. Ведь не каждый день к ней является спозаранку некто с десятью тысячами баксов и дает столь таинственное поручение. Наверное, градус ее любопытства дошел до точки кипения.

Но откровенность сегодня в мои планы не входила, и я, скромно потупившись и мило улыбаясь, ответила:

– Нет, я сама расскажу девушке, что она должна делать. Вас же могу заверить в одном – все законно и вполне легально. Так, маленькая прихоть богатой женщины. – И сделала таинственные глаза. Насчет законности и легальности я слегка приврала, но у меня просто не было другого выхода.

Директриса была явно разочарована. Она мне несколько не поверила, но жадность была сильнее любого, даже самого черного, подозрения. Скривившись в добродушной улыбке, она ретировалась.

Я вернулась в центр большой комнаты, где проходил наш импровизированный кастинг, громко и весьма театрально поблагодарила всех присутствующих за работу и велела победившей в этом мини-конкурсе моей личной красоты девушке следовать за мной для получения соответствующих инструкций.

Жанна Евгеньевна напоследок еще раз уточнила, что гонорар девушке не входит в ее собственный, и, получив утвердительный ответ и остаток суммы, рассыпалась в похвалах мне, выбранной кандидатке, своему агентству и еще бог зна-

ет кому. Но я ее уже не слушала. Теперь у меня была задача совершенно другого свойства, и я уже начала ее обдумывать.

Для начала я позвонила Нике из уличного телефона-автомата и выслушала его пространный отчет о проделанной работе.

– Квартиру я тебе снял в тихом местечке, в центре. Будешь довольна. Записывай адрес, и машина твоя новая уже там, рядом во дворе припаркована. Скромный красенький японец, как ты любишь, – и Ника гоготнул своей неуклюжей шутке. Шутка заключалась в том, что машина была размером с половину его квартиры. Да, я обожаю большие красные автомобили. Это моя слабость, и здесь уступать жизненным обстоятельствам я не желала. Записав номер и марку автомобиля и уточнив, где именно он находится, я облегченно вздохнула.

– Мою машину брось где-нибудь во дворе, я потом заберу. Да, кстати, ключи от всего этого барахла у твоей новой соседки. Бабуся – божий одуванчик. Абсолютно надежна! Вы друг другу понравитесь, – и мой приятель отключился.

Ника за время нашего знакомства меня ни разу не подвел. Я сейчас еще раз добрым словом помянула далекого зауральского учителя физкультуры за то, что подарил мне такого замечательного и надежного друга. «Надо бы послать учителю-благодетелю ящичек хорошего коньяка», – вскользь подумала я и переключилась на свои дела.

Сегодня с утра я дала Нике кругленькую сумму денег и по-

просила выполнить всего две моих просьбы – снять для меня другую квартиру, так как возвращаться в свою я пока не собиралась. И купить мне новый автомобиль. Из предусмотрительности я попросила оформить машинку на имя Ники – мало ли что! Остаток сэкономленных средств я милостиво разрешила Нике оставить себе. О чем ему только что и сообщила, не забыв тепло поблагодарить за оказанные услуги. Я всегда умела ценить настоящую дружбу. Собственно, об этих, быстро и четко исполненных им делах, Ника мне и отчитался.

Покончив с немаловажным куском моего хитроумного плана, я посадила «миску» в машину и поехала с ней по магазинам. Через два часа, с ворохом сумок и пакетов, я оставила девушку – кстати, она отзывалась на звучное имя Фёкла – в моей новой, свежearендованной квартире. Ключи от квартиры я, следуя инструкции аккуратного Ники, взяла у своей новой соседки. С первого же взгляда я определила, что это ни что иное, как мисс Марпл и миссис Хадсон в одном флаконе. Когда я наслаждалась состоятельным ничегонеделанием, будучи на содержании у Сашка, он как-то приволок мне – для самообразования! – целую связку классических детективов. Я запоем прочла эту немаленькую гору книг и с удивлением узнала о существовании не только мистера Шерлока Холмса и его замечательно проницательной экономки миссис Хадсон, но и о женщине-детективе мисс Марпл. Они обе автоматически стала моими кумирами! И

когда я осторожно постучалась в дверь моей новой соседки, то из-за двери на меня взглянули глаза – о, господи! – я чуть не лишилась дара речи! – миссис Хадсон и мисс Марпл собственными персонами. Старушка, улыбаясь, пригласила меня в квартиру, и через пять минут, сама того не желая, я выложила ей всю правду до копейки. Про себя любимую, про светлое Зауралье, про Сашка и даже про выстрелы в ночи. Старушка «Марпл-Хадсон», а в русской транскрипции просто Марьяванна: «Можно бабМаша», между делом проронила бабушка – с виду натуральный «божий одуванчик», во время моего рассказа кивала головой и смотрела на меня проницательным взглядом. Когда я закончила, она принесла мне ключи от моего нового жилища, ласково погладила по плечу и сказала просто, так, словно бы ей каждый день рассказывали подобные истории:

– Не бойся, девонька. Все ты делаешь правильно. Если что нужно, ты не стесняйся. Я же тут рядышком, через стенку. Одна голова хорошо, а две всегда лучше. – Я искренне поблагодарила старушку и откланялась.

Открыв дверь, я быстро осмотрела квартиру и, одобрительно мурлыкая, позвала «миску», успевшую заскучать в Никиной машине.

– Вот здесь ты побудешь, пока я съезжу по делам. Я вернусь часа через два-три, – проинструктировала я мою сестру-близнеца. Мы перетащили из машины в квартиру целый ворох наших покупок, и Фёкла, с восторгом и легким пер-

вобытным порывиванием, приступила к потрошению пакетов с новой шмоткой. Себе я купила только несколько разномастных париков, дюжину солнцезащитных очков и четыре косынки разного цвета. Это все я в свое время почерпнула из французско-итальянских фильмов, где героини, спасаясь от преследователей, меняли внешность с помощью этих нехитрых подручных средств. Все это барахло я положила в бумажный пакет и прихватила с собой – на всякий случай. Пусть валяется на заднем сидении в моей новой машине. А вдруг?

Абсолютно успокоившись и в полной уверенности, что два часа Фекла не будет интересоваться ничем другим на свете, кроме только что купленных на мои деньги модных тряпок, я тихо закрыла за собой дверь квартиры и, пересев на шикарный ярко-красный джип, стоящий ровно напротив подъезда, стремглав помчалась в детективное агентство. Это агентство мне как-то по случаю рекомендовал Сашок. У него, в силу образа его жизни, иногда возникала потребность в подобных услугах и, как-то случайно обмолвившись мне об этом, он, доверяя мне как самому себе, даже прочел мне целую лекцию о правилах конспирации. Зачем – я тогда не поняла. Но оказалось, что его предусмотрительность даже в таком странном вопросе теперь сослужила мне отличную службу. Заявившись пред светлые очи детективного директора, я не стала скрывать имени их клиента, рекомендациями которого я сейчас пользовалась. Директор оказался чело-

веком весьма осведомленным и сначала слегка напрягся, сообщив мне, что Сашок-то ведь давно почил в бозе. На это я ему заявила, что я-то еще пока вполне жива, но могу вполне последовать за Сашком, если не воспользуюсь рекомендациями покойного. Добавив к этому весомый аргумент в виде гарантий оплаты услуг детективов, включая премиальные, я наконец получила вразумительное согласие и успокоилась.

– Теперь мы можем и познакомиться. По всей форме, – довольное лицо детектива поведало мне, что он вполне удовлетворен грядущим сотрудничеством. Я слегка нахмурила лоб, раздумывая, сообщать ли детективу чистую правду. Но, сообразив, что юристам и гинекологам обычно рекомендуется говорить все, как есть, я смилостивилась:

– Зинаида Иосифовна. Иногда можно просто Зина.

Слово «иногда» прозвучало в моих устах весьма весомо. Детектив, судя по всему, был сообразительный малый:

– Как скажете, мадам, – галантно сказал он, щелкнув каблуками на гусарский манер. Оценив его маневр, я подумала: «Сашок всегда подбирал кадры самой высокой пробы!» И окончательно растаяла:

– А вас как величать?

– Александр Владимирович или, как вы имели честь представить вашего рекомендателя – Сашок, – детектив произнес эту тираду без малейшей иронии, – предпочитал называть меня Олегом Витальевичем. А вы зовите, как вам заблагорассудится. За такой гонорар – хоть Чебурашкой.

Его юмор мне очень понравился. Он был веселым, с небольшой, вполне допустимой долей подобострастия, и вообще Олег Витальевич оказался именно тем, кто мне сейчас был нужен.

– А можно я буду звать вас просто Олегом? – в моем голосе абсолютно намеренно появились нотки «а ля маленькая девочка» – на мужиков это действовало неотразимо.

– Валяйте, – сказал мне детектив. Судя по его совершенно недрогнувшему лицу, мои ухищрения на него не подействовали. «А может, оно и к лучшему», – подумала я. Как показало время, так оно и вышло.

Обговорив план наших совместных действий и согласовав дату следующей встречи, я бегом бросилась в мое новое жилище. Вдруг Фёкла уже все перемеряла, и теперь в ее голову могут прийти какие-нибудь еще мысли. А этого мне совсем не хотелось.

Я за сегодняшнее утро истратила уже кучу денег, но мой личный «стабфонд» позволял мне подобные траты. Тем более, что теперь я боролась за кучу денег, с помощью которой легко могла бы купить треть этой веселой планеты. И значит, мои траты были вполне оправданы. Эти мысли бродили по моей голове, пока я крутила баранку, мотаясь из одного конца города в другой, претворяя в жизнь мои грандиозные задумки. И, как только я утвердилась в мысли, что все делаю правильно, денежный вопрос перестал меня тревожить.

В моем замечательном плане на сегодня был намечен еще

один пункт, но его я хотела осуществить только после того, как Фёкла исполнит все мои пожелания. А именно, добровольно и, естественно, на платной основе превратится в самого настоящего «живца». Да, да. Именно. Я задумала посадить в мою прежнюю квартиру живую приманку в виде моего двойника и посмотреть, что из этого получится. А что мне еще оставалось делать? Ну, убьет меня какой-то неведомый мне вражина. И где тут, спрашивается, счастливый конец? А так все справедливо. Я плачу деньги, «миска» их отработывает. Детективы страхуют всех подряд. Чем не план?

Но все же червячок сомнения шевелился у меня в душе, отравляя жизнь своим скользким присутствием. Я прекрасно понимала, как опасно все то, что я задумала. Нет, не для меня. А для моей «миски» со странным именем Фёкла. Но и деньги, которые я ей собиралась заплатить, были не кучкой конфетных фантиков. И в случае, если все обойдется и все будут живы и здоровы, Фёкла успешно истратит честно заработанный капитал. Посвящать ее в свои планы я, само собой, не собиралась. Я не видела в своей жизни еще такой идиотки, которая бы добровольно полезла под пули, даже зная, что в конце ее ожидает грандиозный гонорар. А на кой он ей в случае некрасивого развития событий? На шикарный памятник на престижном кладбище?

Кое-кто, конечно, обвинит меня в бессердечии. А что, мне прикажете самой лезть в пасть тигра? Так я там уже была. И потом, я была почти уверена, что все обойдется. Мои де-

тективные агенты с таким же щедрым гонораром, как и моделька, как две капли воды похожая на меня, должны были исполнить свою часть этого спектакля. А иначе вся тяжесть последствий несомненно ложилась на их широкие, профессионально накачанные плечи. Я искренне так полагала, потому что тот, кто платит, всегда полагает, что ответственность теперь на законных основаниях перекладывается на голову высокооплачиваемого наемного персонала. Коим в данном случае и являлись детективы. И потом, они же сами битых полчаса убеждали меня в своем непревзойденном профессионализме, после того, как слышали сумму предполагаемого гонорара за свои скромные услуги.

Как я себя ни убеждала, что продумала все до последней мелочи в моей гениальной комбинации, но когда я подъезжала к дому, мне было непроходимо стыдно перед Феклой. К сожалению, изменить что-то прямо сейчас я уже не могла.

Фёкла как раз примеряла последний наряд из вороха, который необъятной кучей валялся на полу. По ее восхищенному взгляду я поняла, что девица в полном восторге.

– Отпад, – словно прочитав мои мысли, произнесла Фёкла и снова зарылась в кучу шмотья.

– Так, девушка, сейчас мы немного поработаем, а потом ты заберешь всю эту кучу и получишь впридачу еще почти такую же кучу денег. Согласна?

Фёкла была согласна. Посмотрев на нее пристальным взглядом, я дала себе слово, что, если все обойдется, то я

куплю Фекле приличную квартирку и помогу ей выбиться в люди в модельном бизнесе.

На престижные подиумы пробиться так же сложно, как стать суперзвездой в Голливуде! А свои обещания я всегда выполняла. Но для этого мы обе, как минимум, должны остаться в живых.

Я приказала ей умыться, а потом собственноручно причесала ее и накрасила так, как я обычно крашусь и причесываюсь. Теперь, стоя перед зеркалом я и сама не могла понять, где я, а где не я. Пора было ехать, и мы погрузились в мой новый шикарный автомобиль. Фекла при виде его восторженно захлопала ресницами, взвизгнула традиционное «Вау!» и всю дорогу разглядывая его, кажется, даже зачем-то обнюхивала.

Мы подъехали к моей бывшей квартире на максимально допустимое расстояние в два квартала. Я припарковалась в глухом закоулке одного из соседних дворов и обратилась к моему близнецу с проникновенной речью.

– Слушай меня внимательно. Сейчас ты пойдешь вот по этому адресу, – я написала на сигаретной пачке улицу и номер дома и показала Фёкле, – поднимешься на предпоследний этаж, квартира номер восемьдесят четыре, и вот этим ключом, – я показала ей этот незамысловатый предмет, – ты откроешь дверь и войдешь. Пока тебе все ясно?

Фёкла послушно кивнула. Она не была дурой, так, слегка тормозила, но, в принципе, я и не нуждалась в Нобелевском

лауреате для выполнения моего задания.

– Повтори все, что я тебе сейчас сказала.

Фёкла слово в слово повторила только что услышанное, чем меня сильно порадовала. Ее рейтинг взлетел в моих глазах до нужной высоты, и я продолжила свою речь:

– Далее, ты расположишься в этой квартире со всем возможным комфортом и проживешь в ней несколько дней. Или, может, чуть дольше, – я сделала неопределенный жест рукой. – В этом и состоит твое суперсложное задание. А после этого ты получишь от меня вторую половину денег, впридачу к этой вот приличной сумме, – и я достала стопку зеленых купюр. – И мы с тобой расстанемся лучшими подругами.

На последних словах я явно лукавила, но без этого моя речь не имела бы такого эффектного финала. Фёкла вдруг подняла руку, совсем как прилежная школьница, и спросила:

– А можно вопрос?

Ну, точно, зубрилка-отличница класса так из восьмого!

– Валяй! – милостиво разрешила я, чувствуя себя не то училкой, не то даже – страшно сказать – завучем.

– А зачем все это? – наивно глядя мне в глаза, спросила Фёкла.

«Ну, начинается, – с досадой подумала я, – а ведь все было так хорошо».

– Так. Ладно. Я тебе расскажу, только ты никому ни слова. Договорились? – и я сделала страшные глаза. Фёкла снова послушно кивнула и, вытаращившись на меня, что у нее, по-

видимому, было признаком абсолютного внимания, приготовилась слушать. – Понимаешь, – начала я, на ходу придумывая приемлемую версию грядущих событий, – мне предложили очень выгодный контракт. Я по профессии, как и ты, модель. Работаю за рубежом. И у меня сейчас тоже очень выгодная работа. Так вот, чтобы не прерывать мой текущий контракт, но и не потерять этот новый, я должна одновременно находиться в двух местах. Так что, я уеду и буду еще две недели дорабатывать на прежнем месте, а ты здесь будешь изображать меня.

Я ничего лучше не изобрела, чем прикинуться кем-то совершенно понятным моей не очень сообразительной партнерше. А что может быть лучше, чем «модель». Эта профессия была составной частью моей новой знакомой, и ей не надо было объяснять всю важность получения хоть малейшей возможности поработать на подиуме. А она просто ничего другого и не умела. Да, наверное, и не желала уметь. Мне оставалось только воспользоваться этой ситуацией, что я и сделала. И, по всей вероятности, весьма успешно, поскольку Фёкла, до этого практически безучастно, как робот, повиновавшаяся мне, вдруг ожила, ее глаза загорелись, и – о, чудо! – наполнились смыслом! Такого перевоплощения я не ожидала.

– Да, да, я вас прекрасно понимаю. Но что я должна делать?

– А, ничего. Звонить будут мне, я буду перезванивать те-

бе и точно передавать инструкции, а ты будешь их исполнять. Если надо будет выехать на фотосессию – выедешь. Если пройтись по подиуму – пройдешься. Окей? А я уже скоро вернусь и смогу тебя подменить. Я думаю, еще пару недель, не больше.

– Ага, согласна, – радостно закивала головой счастливая моделька. Я ничем не рисковала, потому что, естественно, никакого подиума, а тем более фотосессии в моей жизни в обозримом будущем не намечалось. Но Фёкле об этом знать было не положено. Пусть сидит и ждет. Чего? Я и сама не знала. А очень хотелось бы! Поэтому все это и затеяла. А вот если что-то вдруг начнет происходить вокруг моей «подсадной утки» или просто около моей квартиры, то тут детективы, так удачно нанятые мной, не должны были сплеховать. А то... Мне даже не хотелось думать, что ответила бы мне Фёкла, расскажи я ей правду. Что поделать. Любые большие деньги таят в себе неограниченное количество секретов.

Проинструктировав Фёклу и вручив ей половину ее гонорара – пусть потешится, – я уехала. Теперь я наконец могла заняться собой лично. В мой грандиозный план входила полная смена моей внешности. Нет, не банальная пластическая операция. Зачем это мне в моем возрасте! Искусная женщина может вполне обойтись и менее радикальными средствами. Слава богу, в наши дни парикмахеры-стилисты-визажисты уже давно проводят аж целые мировые первенства по своим непростым ухищрениям и уловкам. Не хуже Олим-

пийских игр. Я думаю, и не дешевле.

Итак, мой путь теперь лежал прямо в навороченный парикмахерский салон, снабженный всеми самыми новейшими достижениями современных цирюльников. Это и был тот самый последний пункт моей сегодняшней программы. Ведь, если на свет появилась новая «я», то есть Фёкла, полностью заgrimированная под меня, то, значит, мне уже можно было исчезать.

И через три часа вместо темной шатенки с длинными волосами на свет появилась яркая блондинка с короткой модной стрижкой, соответствующим её новому стилю макияжем и совершенно неузнаваемым после всех этих манипуляций лицом. Я и раньше была не дурнушкой, но теперь мужчины просто столбенели при виде меня и превращались в безмолвные статуи, сраженные наповал моей неземной красотой. Результат действительно превзошел даже мои самые смелые ожидания. Очень довольная, я уселась за руль своего нового авто и решила, что у меня наконец есть повод слегка расслабиться. Еще бы – я переделала за один день такую гору дел, с которой в обычной жизни справилась бы недели за две. Но, жизнь есть жизнь, и она сама иногда диктует нам новые правила игры.

Глава 6

Время было где-то к девяти вечера, и я решила, что вместе с новой жизнью мне не мешало бы обновить и мои любимые ресторанчики. У меня их было несколько, я привыкла к ним и меня там знали, как облупленную. Взвесив все эти обстоятельства, я еще больше укрепилась в мысли, что появляться в них в ближайшее время мне категорически невозможно. Вздохнув и тут же утешив себя мыслью, что, во-первых, наверное, настало время что-то поменять в своей жизни, а во-вторых, почему бы и нет, я не очень быстро поехала по вечеряющему городу, высматривая по пути что-нибудь более-менее приемлемое для моих целей. Это должен был быть ресторанчик, отвечающий нескольким моим требованиям. Он должен быть милым с первого же взгляда, а со второго там должна быть хорошая кухня и учтивые официанты. Вскоре я заметила витрину заведения, удовлетворяющего моему первому требованию. Я припарковалась, что тоже было подарком судьбы – в начале вечера оставить машину у обочины дороги иногда бывает проблематично. Всегда найдутся пара дюжин счастливчиков, которые приехали на две минуты раньше тебя и уже успели пристроить своих стальных коней на все свободные места. Сочтя свою удачу добрым знаком, я зашла в заведение под забавной вывеской «Папа Карло». Не ожидая увидеть там самого папу Карло, я вдруг

наткнулась на знакомый с детства добродушный домашний очаг, приветливых официантов одетых Мальвинами, Пьеро и прочими карабасо-барабасовскими персонажами. Присев за предложенный мне столик недалеко от очага, я погрузилась в изучение меню. Блюда были с приятными названиями, от которых пахло детством и бабушкиными пирогами. В общем, повертев головой по сторонам и убедившись, что заведение подходит мне по всем параметрам, я мысленно назначила его своей новой штаб-квартирой для поедания приятных и вкусных гастрономических удовольствий. А я, как и большинство людей, редко меняю свои привычки. Или страстия.

Я наслаждалась уже вторым десертом – праздник все-таки – и легкой неторопливой музыкой, льющейся откуда-то из-под потолка, когда в ресторанчик вошел приятный молодой человек. Оглядевшись по сторонам тем взглядом, который отличает завсегдатая от случайного прохожего, он, видимо, нашел то, что искал, и стремительно двинувшись в сторону столика, стоявшего около очага с традиционной табличкой «Стол заказан», сел за этот столик. Его скучающая мина указывала на то, что он здесь практически живет, потому что новички, как правило, начинают вертеть головами по сторонам, с риском свернуть себе шею, и разглядывают всё подряд с заинтересованным выражением лиц японских туристов, как известно, самых любопытных туристов в мире. То, или, вернее, тот, кого он искал взглядом, уже нёсся по

проходу между столиками почти вприпрыжку и, слегка захавшись, подлетел к новому посетителю почти одновременно с тем моментом, когда он опустился в мягкие объятия ресторанного кресла.

– Толик, мне как всегда, – услышала я негромкий голос и из любопытства стала разглядывать молодого человека. Я никак не могла понять, кого он мне напоминает, в нем было что-то неуловимо знакомое, хотя я могла поклясться, что вижу его впервые в своей жизни. «Что за чертовщина, – удивилась я, вдоволь налюбовавшись на незнакомца и вновь переходя ко вкусному десерту – куску пирога со сливами и курагой. Обожаю это сочетание! – Странное какое-то ощущение, где же я могла видеть этого мужика? Может, где-нибудь на рауте? Да, нет. Я бы такого не пропустила, значит, точно нет. Тогда где?» Мучаясь этим вопросом, я так настойчиво поглядывала в сторону симпатичного молодого человека, что невольно обратила на себя его внимание. Он сначала взглянул на меня недовольным взглядом, видимо, справедливо полагая, что какая-то девица пытается его закадрить, но я так быстро отвела глаза и уткнулась в тарелку, что когда я через минуту снова взглянула в его сторону, то увидела, что он сам теперь в упор и очень заинтересованно смотрит на меня. Я покраснела и снова сделала вид, что за обе щеки уплетаю свой несчастный пирог. Хотя мне теперь кусок стал поперек горла. В классическом варианте, когда женщина пытается «закадрить» мужчину, все должно происходить с точ-

ностью до наоборот. Ее томные, как бы незаметные взгляды должны перемежаться с его ответными заигрываниями с помощью всех доступных вариантов, как то: передача на стол дамы цветов, дорогого шампанского, записочек или еще какой-нибудь дребедени. На ваш вкус и фантазию.

Здесь же все закончилось так, как я и предположить не могла. Окончательно стусевавшись от этого назойливого любопытного взгляда, я вдруг подавилась пирогом. Придушенно закашлявшись и хватая раскрытым, как у полудохлой рыбы, ртом воздух, я пыталась налить в стакан сок из графина и одновременно прочистить горло тем самым воздухом, который не мог поступить в мои легкие через полностью закупоренное горло. Проклятый пирог, словно кляп, торчал у меня изо рта, не двигаясь ни туда, ни сюда. Я выглядела, наверное, очень жалко, но мне теперь было не до красоты. Я дрыгалась и мотала головой, пытаюсь вздохнуть, и только мощный, совершенно неожиданный шлепок по спине привел меня в чувство и освободил мое горло от ненавистного пирога. Я со свистом втянула воздух в почти безжизненные легкие и, почувствовав, что ожила, прокашлялась и смогла, наконец, вытереть слезы – они всегда сопровождают такие вот неприятности, это известно каждому. Еще один шлепок по спине, теперь уже существенно более слабый, окончательно привел меня в чувство, и я обрела способность здраво соображать. Около меня стоял тот самый симпатичный молодой человек, который и явился причиной моего неожидан-

ного волнения и такой же неожиданной борьбы с коварным пирогом.

– Ну как, полегче? – его вопрос был одновременно и участливым, и немного насмешливым – я всегда очень точно чувствую все человеческие интонации, это мой талант.

– Да, спасибо, – мой голос прозвучал немного суховато – я не любила, когда надо мной смеются. Даже так незаметно.

– Вот и славно, – его голос потеплел, – а то я уже думал, придется «скорую» вызывать.

– Да уж, – неприязненно сказала я ему в ответ, даже потеплевшие интонации его голоса не могли так вот запросто растопить мою обиду. Ну и что, что он меня спас. С каждым может случиться и нечего тут подхихикивать. Хотя, если разобраться, лицо у меня в тот момент, наверное, было очень забавным.

– Ну, если все нормально, то тогда я пойду, – сказал он, но сам почему-то медлил и не двигался с места. – Кстати, меня зовут Эммануил.

– Что-о-о-? – я тут же позабыла свою обиду и заинтересованно глянула на моего нового знакомого. – Где это вы откопали такое имя?

– Имя как имя, – теперь уже в его голосе появились нотки обиды, и я, спохватившись – спаситель все же! – запоздало зачастила словами:

– Ой, простите мою бестактность. Вы меня так выручили, а я, дурочка такая, чуть вас не обидела.

Где-то глубоко внутри меня сработали сразу все мои рефлексы. Они были наработаны многолетним общением с противоположным полом и никогда меня не подводили. Здесь включились сразу все датчики: мужик симпатичный, мне помог просто так, бескорыстно, сам подошел, еще и стоит, не уходит – это что-то значит. И поэтому мое поведение с «обиженной грубости» сразу перескочило на «светскую львицу», а в глубине подсознания даже промелькнула испуганная короткая мыслишка: «Вот, глупая, чуть мужика не спугнула. А ведь еще пятнадцать минут назад сама на него пялилась». В общем, мой природно-женский комплекс сработал без сбоев, и ситуация разрулилась сама собой. Через две минуты мы уже вместе с ним хохотали над той неловкой ситуацией, в которую я так неожиданно попала по вине чудо-пирога. И, чтобы замять эту неловкость, я решила угостить моего спасителя тем же самым десертом:

– Вы знаете, он замечательно вкусный. И я хочу вас как-то отблагодарить. Ну, не водку же мне вам заказывать? Это же неправильно будет в такой ситуации?

– Ага, значит, сами пирогом подавились, теперь и мне его предлагаете, – в его голосе теперь читался настоящий живой юмор, которого я давно не слышала, а вернее, никогда не слышала. А только видела в кино. – Наверное, вы втайне надеетесь, что я тоже подавлюсь этим пирогом и...

– ...и я тогда смогу отплатить вам той же монетой, спасти вас от этого злого пирога, – хохоча, подхватила я, продолжая

его мысль и включаясь в предложенную им игру.

– Да, да, что-то в этом роде, – он улыбался во всю ширину своего белозубого рта, и я отметила про себя, что у него очень обаятельная улыбка.

– Послушайте, а откуда все же у вас такое странное имя? – теперь я уже имела право немного пофамильярничать. Глаза моего нового знакомого как-то сразу потухли и в воздухе повисла неожиданная неловкость. – Ой, я, наверное, сморозила глупость, – испуг мой был почти натуральным. Эммануил грустно улыбнулся:

– Нет, вы здесь ни при чем. Это имя дал мне мой отец. Тогда в моде был фильм. Он назывался «Эммануэль». Вот он и решил меня так назвать. Просто они ждали девочку.

Я ошалело глядела на моего нового знакомого и чувствовала себя полной дурой. История, которую он мне только что рассказал, была неожиданной и нелепой. Представляю, что должен чувствовать человек, которого назвали в честь женского имени. Но вслух я сказала:

– Ваш отец и вправду человек со странностями. Но, поверьте, я еще и не такое встречала.

– Да я уже давно привык к своему имени.

– А откуда тогда такая грусть? – немного кокетливо спросила я. Эммануил вздохнул, и мне даже показалось, что глаза его заблестели.

– Знаете, как-то сложно все. Да, теперь уже, наверное, и не важно. С отцом всегда было непросто общаться. Давайте

больше не будем об этом говорить, – неожиданно предложил Эммануил.

– Согласна, – быстро кивнув головой, сказала я. – Извините, если я вас нечаянно обидела. – В моем голосе было искреннее раскаяние. Мне и вправду было неловко, но я же не предполагала, что мой невинный вопрос может вызвать такую реакцию.

– Кстати, мы тут с вами обсуждаем мое имя уже битый час, а вы сами так и не представились, – заметил Эммануил.

– Да, правда, – рассмеялась я. – Меня зовут... Зоя. – Новым знакомым я, как правило, никогда не называла своего настоящего имени. Это было своеобразной защитной реакцией против сильной половины человечества – уж очень часто они обижали меня в прошлой жизни. Но объяснить даже самой себе, почему я сейчас не назвала своего настоящего имени, я бы не смогла. Внутри меня сработал какой-то защитный механизм. На уровне инстинкта.

– Зоя. Тоже ничего, – Эммануил посмотрел на меня с улыбкой и, ёрничая, протянул сложенную ладошкой руку. – Эмик. Прошу любить и жаловать. Так зовет меня мама.

Я пожала протянутую руку.

– У вас есть мама?

– Как и у всех живых существ. Правда, мы редко видимся. Я все время на работе. Да и с ней все тоже непросто.

– Как-то у вас все сложно, – я слегка поежилась, – с отцом нелады, с мамой проблемы.

Эмик снова погрузнел.

– Похоже, вы правы. Но мы же договорились, что эта тема – табу.

– Не вопрос, – подхватила я. И остаток вечера мы провели, покатываясь от хохота. Я даже потом не могла припомнить, от чего мы так веселились, но, думаю, что от всего понемножку. Сначала от пары глотков хорошего вина, потом были какие-то «бородатые» анекдоты, до которых Эмик был весьма охочим. А еще всякие смешные лирические мелочи, вкусная еда и простое ничегонеделание, все, что всегда сопутствует очень хорошему вечеру и поднимает настроение.

В первом часу ночи официант вежливым покашливанием напомнил нам, что заведение закрывается.

– Знаете, я давно так весело не проводил время, – голос Эммануила был приятным, и я с удовольствием вслушивалась в его интонации. Если честно, то мне впервые в жизни было так легко и беззаботно. И смешно сказать – с первым встречным.

– Зоя, – Эмик слегка помялся, – а можно ваш телефон. А то вот так разбежимся и больше никогда не встретимся.

Я еще не успела выучить свой новый номер телефона, но признаваться в этом мне тоже не хотелось. Мало ли, что человек обо мне подумает?

– Давай лучше ты мне продиктуешь свой, а я запишу на мобильник и сразу тебе перезвоню. Вот мой номер у тебя и отобьется.

Я неожиданно для себя самой перешла с ним на «ты», и, судя по его порозовевшим от удовольствия щекам, это ему понравилось. Сказано – сделано. И через полчаса, когда я, проскочив без пробок по ночной Москве, уже подъезжала к своему новому жилищу, в моей голове крутилась мелодия французской песенки из фильма «Эммануэль».

Утром меня разбудил звонок из детективного агентства.

– Зинаида Иосифовна, пока все спокойно. Двое агентов дежурят в подъезде, на разных этажах. Один – на улице.

– Послушайте, Олег, это плохая мысль – торчать в подъезде двум незнакомым мужикам, – я еще толком не проснулась и была злой, как кусачая зимняя муха. – Соседи могут участкового ненароком вызвать.

В трубке было вопросительное молчание. Мне пришлось все же окончательно проснуться. Я нехотя вылезла из-под одеяла и зябко поежилась – все же на дворе был самый конец августа. Это на благодатном юге начало бархатного сезона. В Москве конец августа иногда означает начало зимы.

– Вы, знаете что, попробуйте там где-нибудь квартиру снять, я оплачу...

– А мы уже все разведали, – перебил меня Олег, – там, на этаже, кроме вас больше никто не живет. А обе квартиры, и напротив и рядом, сдаются.

Вот это номер! Я прожила там целый год и даже не знала об этом! А впрочем, я и не интересовалась.

– Так берите какую-нибудь побыстрее, – мой голос скри-

пел недовольством, как у любого совершенно невыспавшегося человека. – И, прошу вас, звоните только тогда, когда что-нибудь случится, – проворчала я напоследок, снова залезла под одеяло и провалилась в сон.

В двенадцать часов в мою дверь позвонили. Время я определила по настенным часам, которые висели над моей кроватью. Я абсолютно выпалась, поэтому пошла открывать дверь в прекрасном расположении духа.

– Зиночка, это бабМаша, – донеслось из-за двери, пока я возилась с замками. – Пойдем, детка, завтракать. Я пирожков напекла, – пропела бабуся, дыша на меня ароматами кондитерской. Я чуть не прослезилась.

На кухне у бабМаши было чисто, как в операционной. Гора пирожков с творогом высилась посреди стола, накрытого крахмальной скатертью.

– Я слышала, как ты вчера припозднилась. Вот потому спозаранок тебя и не будила. Дело молодое. Надо все успеть – и поспать, и погулять.

Я уплетала за обе щеки вкуснейшие пироги и запивала их горячим чаем. Мне казалось, что вкуснее я еще ничего в жизни не ела. А все потому, что от этих пирогов, от самой бабМаши пахло настоящим родным домом, которого, по сути, у меня никогда и не было. Как-то сразу по сердцу пришлась мне эта, в сущности, абсолютно чужая женщина. А «мисс Марпл», видимо, почуяв мое настроение, тихонько посмеивалась, подкладывая на мою тарелку новую порцию

свежих горячих пирожков.

– Ох, бабМаш, не могу больше. Объелась, – отдуваясь и вытирая пот со лба, сказала я.

– Мне еще моя бабушка говорила – ешь, пока рот свеж, – бабМаша ласково улыбалась, подперев щеку розовым кулачком и облокотившись на твердую от крахмала скатерть, покрывавшую стол.

– А я свою бабушку не помню, – зачем-то брякнула я.

– Да я это еще вчера поняла, – бабМаша сочувственно покачала головой. – Наелась?

– Еще как. На неделю! – я еле дышала.

– Вот и славно. Ну, теперь рассказывай, что да как. Мы же, старики, любопытные, как дети. Вот и мне интересно, что там у тебя дальше с твоей детективной историей.

Я рассказала ей о вчерашнем знакомом, и бабМаша, слушая меня, продолжала также молча и сочувственно кивать головой.

– Это славно, когда человек хороший попадется, – согласилась она с моим рассказом, – только, вот, имя ты ему не свое назвала. – БабМаша замолчала, внимательно глядя на меня через очки. Я не могла понять что означал ее взгляд и слегка напряглась. – В обычной ситуации это было бы очень плохо. Но у тебя ситуация необычная, и я тебе так скажу – тебе надо бы очень побережться. И поэтому свое имя ты теперь никому не говори. Вот и пусть будет Зоя. А что, красивое имя. А дальше видно будет. Мало ли какие чудеса на

свете бывают.

У меня отлегло от сердца. Это же здорово, когда кто-то тебя понимает! Просто так. Безо всяких рассуждений и лишних слов. И не читает при этом нотации или еще что-либо такое же занудно-бесполезное, а совсем наоборот.

На этой прекрасной ноте я рассталась с моей мисс Марпл и полетела заниматься текущими делами.

Когда я вошла в квартиру, то услышала, что мой мобильник просто разрывается от звона. О, господи! Восемь пропущенных звонков.

– Алле, – рывкнула я в трубку.

– Зинаида Иосифовна, что же вы к телефону не подходите! – детектив Олег орал в трубке громче меня. – Во-первых, мы квартиру сняли. Ту, что напротив. Так удобней наблюдать. А во-вторых, за вашей двойняшкой следят. Она сдуру в магазин поперлась, так за ней «хвост». Ни на шаг не отходит. Что делать?

А хрен его знает, что делать? Я решила взять тайм-аут.

– Пока ничего не делайте. Она сейчас дома?

– Да.

– Я ей позвоню и скажу, чтоб не рыпалась. Все, отбой.

Вот, дура! Я даже не знала, к кому это сейчас больше относилось – ко мне или к моей подопечной – модельке? Это хорошо, что они там сразу палить не начали. А то бы я вляпалась по самое некуда.

Исполняя мое поручение, детективы умудрились снять

квартиру для наблюдения за Фёклой всего за два часа. И прямо напротив моей бывшей двери. «Оперативно!» – думала я, сидя на кровати в спальне и размышляя как теперь быть. Но эти их дурацкие вопросы! Кажется, надо дать им инструкции насчет собственной инициативы и самостоятельного принятия решений. Наверное, все дело в гонораре. Когда фигурируют такие деньги, люди становятся гибкими, как пластилин. Но от этого сильно теряют самостоятельность. Мне этот эффект был хорошо знаком. Обыкновенная боязнь не угодить богатому клиенту. Абсурд какой-то! Мне же нужно было от них совсем другое! Деятельность мне нужна была от них, бурная и беспроигрышная. «Ладно, через пару-тройку дней все наладится и войдет в свое русло. Главное, не торопиться». Так любил говорить Сашок.

«Все равно ребята молодцы. Вон как оперативно с квартирой все решили. И главное, разузнали все и без моих подсказок. Нет, я все сделала правильно». Я знала из опыта, что дела пойдут намного лучше, если не распускать нюни и вообще не унывать. Я успокоила себя и повеселела.

Надо же! Я прожила в том доме почти год, а не знала ни одного соседа – ни рядом, ни напротив. Наверное, потому и не знала, что там просто никого не было. А квартиры держали под сдачу. Только, скорей всего, сдать такую жилплощадь было непросто. Цены, думаю, в нашем домишке были не детские. Вот только я сама их осилить и смогла. Да и то, чтобы следить за своей собственной квартирой. Бред какой-то!

Мозг мой крутил и так, и эдак создавшуюся ситуацию, но придумать я пока ничего не могла. Как же мне защитить мою Фёклу? Ведь то, что она будет выходить из квартиры, я как-то не предусмотрела. Я думала, что она будет сидеть в ней безвылазно, а она по магазинам шастает. «По Интернету что ли не может себе еду заказать? Я же ей денег оставила. Хотя, курьеры интернетовские тоже люди ненадежные. У него же на лбу не написано, курьер он, или его Мадам подослала?» Вот засада!

Неожиданно выскочившее из подсознания определение опасности как «Мадам» почему-то не показалось мне странным. Видимо, «заветы» Дэвика не прошли для меня даром.

Я сидела и мучила себя вопросами, которые не имели ответов. Сказать Фекле в лоб, чтобы сидела дома и не рыпалась, я не могла. Это было бы очень подозрительно. Даже такая недалекая девушка, как Фёкла, могла начать задавать мне неудобные вопросы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.